

КОНУНГ:

Я принес вам огонь!

Третья книга серии

Сергей РУДЕНКО

Научная фантастика, 2019

18+

Сага о конунге

Сергей Руденко

Конунг 3: Я принес вам огонь!

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Руденко С. В.

Конунг 3: Я принес вам огонь! / С. В. Руденко — «ЛитРес: Самиздат», 2019 — (Сага о конунге)

Едва успел Игорь принять под свою руку захваченное владение, как пришло время отправляться на новую войну. За помощь лордов Торгового Союза конечно же нужно платить, но куда ценнее гарантии: пока свежеиспеченный ярл бьется за их интересы, он может не волноваться, что соседи попробуют на прочность ослабленную Треверскую марку. Тем более война — дело прибыльное...Название в серии: «Кровавое серебро, том 1».

Содержание

[О мудрости...]	5
Пролог	6
Глава 1. Барон Жермон собрался на войну...	11
Глава 2. Завтрак Хранителя	17
Глава 3. Дан приказ ему на Запад...	23
Глава 4. Эверберг	29
Глава 5. Помолвка с размолвкой	34
Глава 6. Госпожа Катрин	39
[Полуденное нагорье]	45
Глава 7. Дипломатический тупик	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

[О мудрости...]

«... Темноглазые и многомудрые канаане знали с древнейших времен, что красное солнце поутру – к ненастью, низкие темные тучи с Заката – кораблям смерть, а стелется дым – значит, жертва твоя богам негодна. Искусные мастера, ловкие торговцы и безжалостные пираты, стремились они распознать волю Высих вездe и во всем. В стремительном полете птиц, в извилистых следах гадов на прибрежном песке, в речах и жизни иных народов Ахкияра. Столетиями корабли их приплывали торговать с народом чиуру, чьи земли по сей день лежат у южных склонов Алайн Таг – на востоке и северо-востоке Полуденного нагорья. Вместе с надежными панцирями, острыми клинками и гладкими расписными боками кувшинов, чаи и всеми другими товарами, проливалась на их благодатные берега и канаанская мудрость. Мудрость тамошних народов, пусть и не столь изоциренная, от того прибывала, и в свой черед, находила место в глубоких трюмах торговцев. Всякое было за столь долгий срок: и зло, и добро... Но в лето 1988-ое, когда чиуру принялись щедро платить самородным золотом и серебром за канаанейские товары, что-то слишком важное увезли торговцы на своих высоких и крутобоких галерах. Уже следующим годом, сразу после сезона дождей, в залив Чиуру пришли ни один, ни два, даже не дюжина. На побережье обрушились многие десятки боевых кораблей и сотни транспортов с воинами. До самой осени тысячи алчных пришельцев жгли, грабили, убивали и лишали свободы. И когда боги войны пусть ненадолго, но пресытились кровью, стало понятно, что когда-то самое богатое и многолюдное племя из народов Полуденного нагорья, потеряло треть лучших земель и половину сыновей и дочерей. К зиме обескровленные ряды мстителeй почти одновременно покинули воины их младших братьев. Не пожелали и без того немногочисленные горные кланы дальше устилать своими телами жирную землю долин и прибрежный песок. Тем более не нужны их нищие кручи, оказались канаанеям. Почти полсотни зим минуло с тех времен. Много изменилось, изменились и сами чиуру. Но впитывать встреченную мудрость не перестало считаться делом правильным. Откуда бы она ни пришла. И уж тем более не было причин менять древние обычаи у других племен и кланов той разобщенной земли. Немало племена и кланы нагорья резались с нашими братьями-батавами. С годами прежняя злоба поутихла, но все равно редкий год небольшие ватаги удальцов то с одной, то с другой стороны зыбкой границы, не искали прибитка в домах и на пастбищах соседей. Да и сами фризы... Ворвались в этот мир мы с грузом своих представлений о высих силах. Однако же предки наши были не глупы, и оттого к жизни относились просто: если воля исконных Покровителей на новом месте не исполняется, если молитвы и таинства остаются без ответа, значит, в делах этих, превозмогла сила богов новых. И тогда предки наши ...нет, не спешили оттолкнуть руку, хранившую их отцов, дедов, и давшую победу им самим. Но в делах «земли и воды» начинали поступать так, как учат встречные Высиие. Милости же родовых покровителей искали в делах иных. Тем и жили, и мудрость этой Веры помогала им процветать ...»

(Из книги «Жизнеописание конунга Ингвара I Славного», 2123 год от Исхода)

Пролог

Полуденное нагорье – земли к востоку от батавских владений, весна 2040-ая от Исхода

(22 мая 2020 года по «земному» календарю)

Во что верил предводитель каравана, что уже третью неделю бродил среди здешнего нагромождения скал, холмов и небольших долин – понять было той еще задачей. Пожалуй, и для него самого. Росшим на развалинах бывшего Союза, боги ли, Чарльз ли Дарвин, едва ли не вровень раздали простоты и подозрительности.

– ...господин?! Господин, прости мою дерзость, но неужели оружие может быть таким грозным, что и вовсе исчезает необходимость его обнажать?! – все еще ломкий мальчишеский голос выдал очередную порцию смеси безусловного почтения и не менее искренних сомнений.

– Так и есть. Но размером оно, куда больше меча, копья или даже самой тяжелой секиры.

Голос предводителя звучал негромко, но какая-то ирония в нем точно скрывалась. Из-за этого безмолвные участники разговора, и не могли окончательно решить: ярл шутит обо всем, или улыбка относится лишь к его восторженно-недоверчивому собеседнику.

На некоторое время среди дозорных воцарилось молчание.

От этого даже казалось, что подуставшие кони, принялись с удвоенной силой звенеть подковами о каменистую тропу, а многочисленные пичуги явно прибавили в старании. Пожалуй, только ветер, лишь время от времени заглядывающий в небольшую горную долину, куда фризский караван спустился пару часов назад, продолжал по-прежнему спокойно и размеренно шелестеть зарослями колючего кустарника. Словно огромный, но добродушный великан, он осторожно поглаживал травянистые проплешины, да перебирал кроны немногочисленных приземистых деревьев, что старательно цеплялись за ненадежные обрывистые склоны.

– А какое... оно? – парень от избытка чувств хотел пояснить вопрос с помощью двух по-юношески тонких, но уже довольно тренированных рук, и притянутого к седлу походного стяга, но вспомнив затрешины, выхваченные совсем недавно, испуганно одернул пальцы.

Оно и правильно: вершину двухметрового древка украшал походный стяг треверского ярла, и предназначен он был для подачи сигналов идущему позади каравану, а вовсе не для дорожной «болтовни».

Говорливость в передовом дозоре вообще не поощрялась. И если бы опытным воинам до смерти не был интересен разговор, парню давно бы уже намекнули незамысловатыми мало педагогическими методами, что время и место для расспросов неподходящее.

– Больше всего оно напоминает, – рассказчик задумчиво искал в закромах памяти подходящие ассоциации, – великанское копье. Огромное, как корабельная сосна, только откованное из легкого и одновременно очень прочного металла. В обхвате... Наверное, понадобилось бы 4-5 взрослых мужей, чтобы взявшись за руки объять его. А длиной... – ярл на мгновение скосил глаза влево и вверх, как и всякий человек, честно пытающийся вспомнить, а не нафантазировать. – Знаешь, по-моему, это «копье» длиннее даже моего самого большого драккара.

– Даже «Морского Коня»? – уточнил пыливый недоросль.

– Даже его, – насмешливо парировал предводитель и, вдруг с удивлением понял, что тут он уже далеко не так уверен.

На Земле бывший подмосковный журналист почти не писал про армию. Разве что выдавал один-два раза в год сообщения об очередном призыве. Но, понятно, это не делает тебя «великим знатоком стратегических ракетных войск».

Однако не покидало ощущение, что виденные на параде корпуса, были все-таки куда короче. Очень уж здоров был драккар, неожиданно доставшийся в наследство от прежнего ярла.

«Морской Конь» был рассчитан на 34 пары гребцов. То есть даже в дальнем морском походе, где вопрос с припасами на борту был довольно критичным, корабль мог нести не меньше 90 воинов. Что уж говорить про короткие переходы. Тут уже экипаж мог быть и вдвое больше.

Из-за того, что гражданская война в Треверской марке шла в основном на суше, бывший флагман хундингов достался Игорю только через пару месяцев после победы. Все это время он преспокойно хранился в собственном эллинге в нойхофском порту, и оказался неучтенной частью добычи. Хотя вполне себе «учтенная» пара пожилых рабов, ежедневно ходила туда на работы. Вся история всплыла, когда у них закончилась пенька.

Нет, корабль был довольно новым и в отличном состоянии, но мужики все-таки переконопачивали и заново смолили самые расшатанные места, просто пользуясь тем, что дерево успело просохнуть «до звона».

В общем, прикинув, что громадина почти в 5,5 м шириной и чуть больше 38 м в длину, вполне может оказаться и по более «Воеводы» (1), Игорь решил все же «не снижать накала» и пояснил несколько уклончиво:

– Ну, может быть, такое же...

(1) Тяжелая ракета РС-20В «Воевода» (известная как «Сатана» SS-18 в обозначении НАТО) – самая мощная межконтинентальная баллистическая ракета в мире. В различных модификациях может нести от 1 до 10 (в некоторых случаях до 16) боевых частей общей массой (с блоком разведения и головным обтекателем) до 8,8 тыс. кг и общей стартовой массой – 209,6 тонн, на расстояние свыше 10 тыс. км. Имеет диаметр 3 м и длину более 34 м.

Усмехнувшись собственным попыткам перевести образы оставленной Земли в понятные окружающим, Игорь решил не дожидаться новых расспросов, а попробовать побыстрее закончить со всем этим «просветительством»:

– ...Короче, из-за этого оружие очень тяжелое. Какие-то из «копий», возят с места на место на специальных огромных самодвижущихся телегах, чтобы запутать врага. Но в большинстве своем оно ждет до срока в тайных рукотворных «пещерах», и если понадобится, сможет всей своей нечеловеческой силой обрушиться на врага за многие-многие дни пути. Разрушить его города и крепости, отравить землю и воду... Может даже на целые века.

Пассаж про «самодвижущиеся телеги», звучал уже не раз, и по-прежнему особо не заинтересовал воинов, а вот описание мощи, способной сносить города «за многие-многие дни пути», Игорь был уверен, поразило спутников в самое сердце.

Некоторое время над отрядом снова повисло молчание.

Даже сдержанные и довольно суровые дружинники впали в задумчивость, и нет-нет, а морщили лбы, в попытках осознать такую невероятную силу. Но в целом: небольшой передовой дозор наконец-то вернулся к своим обязанностям и снова принялся следить за окрестностями. Пусть необходимость была не то чтобы слишком очевидной.

...Две с половиной сотни ездовых и вьючных лошадей при десяти дюжинах воинов, некотором числе погонщиков и прочих попутчиках, создавали столько шума, что выносить его долго не было ни какой возможности. Особенно, если ты вырос не в средневековой толкучке, когда даже муж и жена вынуждены были «делать детей» в одной комнате с уже имеющимися. Бывшего землянина вот это отсутствие личного пространства временами изрядно «напрягало».

Да еще учитывая, что караван в любом случае было не спрятать, никто даже и не пытался сдержаться себя. Осторожные, в обычное время мужи, и стремящиеся им подражать юноши, вдруг начинали перекрикиваться со знакомцами, погонщики – почем зря, явно на публику, – изощренно крыть заупрямившихся животных. Заскучавшая в общем бедламе охрана, стоит признать, тоже не отмалчивалась.

На этом фоне подкованные копыта каждого отдельного животного нацокивали, может быть, и не самые громкие мелодии. Однако все вместе, в этом сумасшедшем оркестре, они создавали отчетливый и даже на секунду не прекращающийся гул.

Понятно, что только у каких-нибудь слепоглохих инвалидов получилось бы «не заметить» всю эту крикливую ораву людей и животных с богатыми выюками, но такие в здешних беспокойных краях как-то не выживали. По крайней мере, в хоть сколько-нибудь «товарных» количествах. В общем, бороться с шумом было и бесполезно, да и не нужно.

Поэтому когда весь этот бардак Игоря совсем уж доставал, он и назначал себя в дозорные. Тем более что были причины для некоторой беззаботности...

Туманная идея, легшая в основу нынешнего путешествия, была придумана Игорем. И ее главным плюсом оказалось то, что делать после этого ему больше ничего не пришлось. На первом этапе.

Дальше умные люди из Торгового Союза сели, крепко подумали, и решили, что все это им очень подходит. Довольные, они принялись потирать свои потные ладошки со следами мозолей от мечей и секир, и между делом «довертели» невнятный прожект, до вполне годного «бизнес-плана».

Только через два месяца после памятного визита ярла ивингов в Нойхоф, Игорь узнал, что маховик будущего похода крутится, «шо у того паровоза», и к началу апреля (если пользоваться привычным земным календарем), ему уже надо быть готовым отправиться в путь.

К этому моменту, кстати, посланцы Торгового Союза уже «переговорили» со своим лучшим другом – батавским конунгом, – а его советники, в свою очередь, принялись, сначала слать гонцов, а потом и сами зачастили через границу, к старейшинам пограничных горских кланов. Но последнее Игорь узнал куда позже. Все-таки местные «технологии связи» были так себе...

Да и новоиспеченному треверскому ярлу, было сильно не до того. Уже от первых новостей состояние его можно было описать двумя словами: удивление и испуг. Осознав, что на приведение в порядок владения у него осталось меньше полугода, Игорь принялся подхлестывать и без того бурную активность. Так что может оно и хорошо, что времени на рефлексии у него просто не было...

В общем, предварительные договоренности с горцами и соответствующие клятвы, озвучили без его участия. Но именно благодаря такой оперативности, особой необходимости прятаться и, правда, не было. Все кому надо, собственно, и так знали предположительный маршрут.

Любить фризов больше они, естественно, не стали, но сейчас многие кланы настроены были скорее доброжелательно. Все-таки идея дружить против кого-то – штука простая и всем понятная.

И тут надо уточнить, что основной задачей их каравана был не объезд будущих соратников и вручение подарков, чтобы укрепить пусть временный, но союз. Посольские дела были штукой, конечно же, нужной. Но куда важнее было определиться на месте с той дорогой, по которой пойдет сначала основная армия, а потом и сильный отряд с осадным парком, заболито подготовленный именно Игорем.

В здешних краях подходящих дорог было немного, и далеко не все они могли подойти для быстрой и сравнительно безопасной переброски будущих подкреплений, раненных и добычи. Так что требовалось наметить места для будущих стоянок через каждые 20-30 км с доступной водой и дровами, а на некоторых отрезках пути, еще и присмотреть подходящие «ничейные» возвышенности, для будущих укрепленных форпостов. Кто его знает, как там дело пойдет...

Все-таки батавы с местными горцами резались почти восемнадцать веков. Те вроде и между собой далеко не в братской любви прибывали, но о некоторых вещах надежнее побес-

покоиться заранее. У фризов есть поговорка: «Лучше пусть палка не пригодится, чем быть покусанным».

Так что дела планировались важные, но передовой дозор – все-таки был скорее данью воинской традиции, чем объективной необходимостью.

Но все-таки был. И поэтому воины в нем вынуждены были терпеливо потеть в своей броне. Как и еще три дежурные дюжины их товарищей, идущие в голове и в хвосте каравана. В отличие от большей части остальных везунчиков, щеголяющих в тонких льняных туниках да рубахах.

Из-за этого Игорь и не прописался в дозорных на постоянной основе. Все-таки Ахкияр даже к северу от Великого хребта, был куда жарче привычной средней полосы. А уж к югу – температура и вовсе никогда не опускалась ниже 30° С.

«... Блин, вот почему я так рвался в викинги? Нет, ну грабить и завоевывать мне, понятно, понравилось. Но что там того грабежа... Писали же умные люди: война – это в первую очередь шагистика, – хмыкнул Игорь. – Не ввязался бы в эту историю по просьбе «конкретных пацанов» из Торговой гильдии, сидел бы сейчас в Нойхофе, готовился к нападению соседей. Зато, пожалуйста, тебе: не осточертевшая каша с сушеным мясом утром и вечером, а все тридцати три кулинарных удовольствия, только охлажденные напитки, и опять же девчата ...»

Мужчине о женщинах радостно даже просто думать, не говоря уже о том, чтобы «трогать руками». Но прежнее настроение отчего-то не возвращалось.

«... Так, – искренне удивился Игорь. – Дружище, неужели тебе и правда, понравилось разбираться, кто там у кого оттяпал кусок земли размером с носовой платок или потравил поле?!»

Но легче не становилось. Накатила и вовсе непонятная тоска и ...страх?! Последнее было и впрямь так неожиданно, что он неосознанно дернул рукой, и подуставшая коняга с радостью ухватилась за возможность остановиться, и тут же принялась выщипывать редкие пучки трав, чудом проклюнувшиеся сквозь природную «брусчатку».

Игорь еще на Земле привык в любой непонятной ситуации держать покерфейс. И со стороны, наверное, было вряд ли что-то заметно. Кроме, конечно, самого факта, что предводитель отчего-то замер посреди дороги, вынудив притормозить и свой небольшой отряд.

Кроме, конечно, проводника-горца и одного из телохранителей, двигавшихся в авангарде (2). Но опытные воины не могли не обратить внимания на неожиданную тишину за спиной, поэтому, не успев отъехать и на пару метров, остановили коней, и заинтересованно обернулись.

(2) *Авангард (фр. avant-garde) – передовой отряд.*

– Вернитесь к каравану, и прикажите готовиться к стоянке! – громко скомандовал ярл. – А ты, подай сигнал, пусть притормозят! – второй приказ, естественно, относился уже к оруженосцу.

Какие бы вопросы не одолевали сейчас самого юного спутника, парень не растерялся, и даже выполнил свою часть работы первым. Выдернув древко походного стяга из нижней петли, он в одно движение наклонил его. Точнее – просто положил поперек седла, на манер обычной кавалерийской пики.

В это же время обе команды вызвали на лицах спутников выражения от легкого непонимания, до некоторой растерянности. Только горец, вынужденный постоянно помнить, что он среди своих недавних врагов-фризов, внешне остался невозмутимым. Коснувшись кольчуги напротив сердца и изобразив короткий поклон, он практически на месте развернул коня и начал протискиваться мимо предводителя.

Телохранитель поначалу замешкался и хотел что-то переспросить, но не решился и молча пристроился вслед проводнику, успевшему как раз миновать остальных дозорных. Стоило обоим всадникам отдалиться и освободить тропу, как Игорь соскользнул с седла, бросил пово-

дья молчаливому оруженосцу. Несколько секунд поковырявшись, он в одно движение извлек из подвязанных к седлу ножен непривычно длинный клинок.

Такие мечи в земном средневековье называли «бастардами» или «полуторными», и был это первый из откованных на Ахкиаре. Узнать, кстати, это тип меча было несложно: к длинному, почти метровому лезвию, прилагалась затянута в кожу рукоять около 40 см. И именно она же и была основным «секретом» и особой фишкой клинка.

Удерживая оружие правой рукой, и используя непривычно большую рукоять левой, как рычаг, воин мог добавлять к рубящим ударам прямого меча еще и довольно сильный режущий эффект. На порядок возрастала маневренность, и это позволяло с куда меньшими трудозатратами расколоть вражеский щит или прорубить кольчугу. А уж бездоспешного противника и вовсе развалить чуть ли не от плеча до бедра. Ну, или с «неожиданной» легкостью отмахнуть ему руку-ногу.

– Слушай меня внимательно, парень! И пока делаешь это, пусть на твоём лице будет только одно выражение. Да, именно то самое, с которым ты постоянно оправдываешься за свою дурную голову и проказливый характер, – насмешливо уточнил ярл. – Сейчас я хочу, чтобы вы все смотрели только на меня и никуда больше...

Изобразив несколько внешне незамысловатых атакующих и защитных движений, Игорь все это время что-то негромко и быстро говорил. Но стоило ему остановиться, как события резко ускорились.

...Едва Игорь закинул клинок на плечо, как оруженосец развернул коня и, перехватив по дороге поводья у остальных спутников, поскакал в сторону каравана со всеми их лошадьми. На дороге остались стоять ярл с уже снаряженными к бою телохранителями. Трое хирдманов еще не обнажили свои мечи, но успели снарядиться щитами и сейчас старательно затягивали подбородочные ремни шлемов и расправляли бармицы.

Четвертый телохранитель тоже обзавелся щитом, но пристроил его за спину. В руках же, оправдывая прозвище «Стрелок», у него сейчас был сравнительно небольшой, но очень тугой составной лук. Когда густые колючие заросли справа от дороги начали выплескивать завывающих горцев, он успел подвязать к правому боку колчан с двумя десятками стрел, и уже через секунду вырвавшийся вперед воин захлебнулся криком.

Получив стрелу прямо в распаленный рот, последние два десятка шагов он преодолел кувырков, потеряв по дороге небольшой плетеный щит и короткий остро отточенный клинок. Выкатившись к ногам молчаливо ожидающих фризов, он неподвижно замер. лишь на мгновение опередив своих товарищей.

– Не подходите, я психопат! – пробормотал Игорь, опуская забрало. – У меня и справка есть...

Насмешка прозвучала на русском и, конечно же, ни кто из окружающих не разобрал ни слова, но в этом и было необходимости. В неподвижном ожидании и насмешливых интонациях голоса звучал вызов.

«...Ну, надо же, кто эти гады? А ведь так все неплохо начиналось ...» – скользнули по краю клокочущего сознания обрывки мыслей, прежде чем волна нападающих обрушилась на ярла Ингвара Треверского и его небольшой отряд.

Глава 1. Барон Жермон собрался на войну...

Окрестности Нойхофа, весна 2040-ая от Исхода

(1 апреля 2020 года по «земному» календарю)

Рассвет еще только собрался вступить в свои права, и оттого небольшой лагерь на пологом – восточном, – склоне холма оставался тихим и безмятежным. Казалось, даже светило, едва выглянув из-за горизонта, пораженно замерло, вглядываясь, в потрясающе живые и яркие сцены многочисленных битв и охот на податливых стенах двух десятков шатров. Ни один из них не был похож на другой, и потому выглядели палатки, как настоящие походные дворцы. Долгие месяцы труда, отборные шелк и лен, баснословно дорогие золотые и серебряные нити, самая лучшая древесина и войлок – были потрачены не зря.

Если кто-то из дружинников внешнего круга до этого вдруг не знал, насколько притягательна власть, сейчас ему было достаточно просто обернуться. Именно в это мгновение солнце наконец-то выглянуло из-за края горизонта и два десятка отражений ярко вспыхнули среди массивных кряжистых стволов старой дубовой рощи. В это мгновение ее темная насыщенная зелень не прятала, а скорее заботливо оттеняла разбитый накануне, уже в темноте, лагерь.

Всю ночь вблизи шатров неслышными тенями скользили часовые. И опытные воины так редко позвякивали снаряжением, будто не несли на плечах почти по два пуда самого надежного боевого железа.

В юности Игорь вдоволь начитался о «мягких» средневековых нравах. Незадолго до памятного авиаперелета, была еще и, прости Господи, «Игра Престолов». Даже всего три сезона стали отличной прививкой от излишней доверчивости. Так что, едва осознав себя треверским князем... – в смысле «ярлом», – он твердо решил исключить любые случайности.

Теперь, даже собираясь просто по ближайшим окрестностям Нойхофа, никогда не брал с собой меньше пяти дюжин воинов. Да и снаряжались хирдманы каждый раз, словно в самую жаркую битву. А уж если дорога лежала чуть дальше, как, например, в этот раз, то в седло поднимались не меньше «сотни» бойцов.

Вполне возможно именно такая предусмотрительность была как-то связана с фактом, что за почти семь с половиной месяцев после победы, он ни разу не побывал в бою. Ни тебе случайных стычек, ни тебе покушений.

Так это или не так, но жизнь в таком непростом месте как средневековый Эйдинард, не давала настроиться слишком уж благодушно, и потому даже в окружении телохранителей сон нового треверского правителя оставался чутким. Стоило часовому сунуть голову внутрь ни чем не примечательного на фоне остальных шатра и негромко позвать, как Игорь открыл глаза, сладко взвнул, и добродушно кивнул в ответ: мол, все отлично, слышу тебя, дружище!

«Да, пора вставать ...»

Вчера он завершил последний, самый короткий объезд марки, и чувствовал себя немного «отпускником». Понятно, что отправляться предстояло к теплому морю, но далеко не на курорт. Канаанские города-государства были многолюдны, могущественны, и способны выставить очень сильные отряды умелых наемников. Но это сладкое, почти офисное ощущение свободы от текучки, все равно ни куда не исчезало.

Поездка была из-за спора двух не слишком богатых и влиятельных, но довольно крикливых бондов-землевладельцев. И как ни странно, оставленный напоследок суд из-за небольшого куска леса и прилегающего к нему луга, удалось разрешить к удовольствию всех участников.

Потому как почти сразу выяснилось, что никаких особых прав на землю у них нет, и Игорь может объявить ее своей, продать, подарить кому-то из них же, ну или наплевать и забыть...

Но тут нужно пояснить!

Первое что Игорь сделал с подсказки своих советников после того, как восточный анклав сдался и признал его права, а сам он ввел в их замки и городки войска, это объявил всю территорию Треверской марки своей личной собственностью.

При этом чтобы не вызвать новый и теперь уж всеобщий бунт, каждому поясняли: за исключением тех земельных держаний, лугов, садов и ловов, а так же пустошей лесов и гор, передачу которых еще до начала гражданской войны утвердили на тинге (3).

(3) Тинг (сканд. ting) – древнескандинавское и германское народное собрание свободных мужчин страны или области (здесь – племени), куда являлись, как правило, вооруженными, в доказательство своей дееспособности. Часто имел не только законодательные полномочия, но и право избирать возжей или королей-конунгов. У славян – «вече».

Одним элегантным финтом получилось твердо заявить о сохранении преемственности от «прежних времен», и не вызвав протестов, устроить настоящий феодальный переворот.

Самым главным «пережитком» подзадержавшегося родоплеменного строя в Эйдинарде, было сохранение общинного землевладения. Скажем так, в широком смысле слова.

То есть вся необрабатываемые земли марки считались собственностью племени. Конечно же, прежним хозяевам-хундингам на тинге уже давно не возражали, и делали они с ней все, что посчитают нужным. Но формально – любая семья могла прийти, никого не спрашивая занять любой ничейный или просто давно необрабатываемый участок и утвердить свое право на него на одном из двух ежегодных народных собраний (4). Просто явочным порядком.

(4) Совершенно реальный земной механизм на севере Европы в раннем средневековье. При этом родоплеменные отношения в Скандинавии задержались дольше всего. Даже к концу эпохи викингов лишь незначительная часть земли находилась в личной собственности. В Швеции, например, из почти 2 500 найденных рунических надписей, только считанные единицы текстов XI века упоминают о земельной собственности. О ее наследовании говорится лишь в пяти текстах из Упланда (территория к северу от Стокгольма) и одной из Вестергётланда (историческая провинция на западе страны).

В Норвегии же последние пережитки из родоплеменных времен были отменены и вовсе лишь к середине XIX века. Речь идет о так называемом «праве одаля».

В раннее средневековье одаль (др.-исл. uđal, норв. odel) – был неотчуждаемым земельным владением «большой семьи», которое переходило из поколения в поколение и не делилось между наследниками. С IX века, с началом выделения «индивидуальных семей» начались и разделы. Однако право преимущественной покупки и выкупа этой земли сородичами сохранилось и в дальнейшем. В период датско-норвежской унии (1536-1814 гг.) датские дворяне пытались ликвидировать право одаля, чтобы облегчить переход земли в свое распоряжение, но натолкнулись на упорнейшее сопротивление местных бондов.

Но на практике такие «самозахваты» в последнюю сотню лет были скорее в рамках статпогрешности.

Треверы (по происхождению все еще считавшиеся «германцами») из северных, западных или восточных частей марки, где народ плодился со страшной силой, просто физически не могли приехать в центральные или южные анклавы (считающиеся «кельтскими»), и безнаказанно сказать «мы будем тут жить!»

Хотя рядом – необозримые горы Алайн Таг, где и так-то людей в рамках «ноль целых, фиг десятых» человек на километр. А огромная горная полоса на два дня пути вдоль всех земель племени – вообще пустая, поскольку считается собственностью треверов, но они в этих бедных и неудобных краях жить не очень-то и хотят.

А если совсем точно – не очень-то и могут.

Более-менее ровных участков там, максимум – «под помидоры». Поэтому с земледелием больше мороки, чем прибýtка. Разве что выращивать «только для себя», а заработать на чем-

то еще. Да, внятный доход в тамошних горах может дать скотоводство. Но это значит, что можно было бы жить, и даже процветать, лишь очень небольшими семейными группами.

Вот и выходит, что сниматься с теплых и обжитых земель у Западного Рихаса большими компаниями ни какого толку. А малыши...

С одной стороны у тебя будут местные горцы, а это осколки разгромленных две тысячи лет назад янгонских княжеств. Фризов они ненавидят люто, до зубовного скрежета вне зависимости, откуда они. С другой – почти наверняка окажутся соседи, тоже не очень-то доброжелательные. И настолько, что могут вообще не ждать, пока вас вырежет кто-то другой.

Конечно же, горы Алайн Таг – это кладезь «ништяков».

Уж железо-то или уголь найти сравнительно несложно. Не факт, что месторождение будет богатым, но будет. Однако, для «быстрой» отдачи тут нужно чтобы ты уже был «сильно не бедным»!

Нанять мастеров, прикупить рабов или уговорить и содержать нищих родственников, вложиться в переезд и строительство, платить-платить и еще раз платить все время до появления отдачи. Да и первое время, после того, как шахта, может быть, начнет приносить пользу.

Но настолько богатым и дома-то ой как неплохо...

А те из треверов, кто обретает вдоль гор, живут – куда беднее, чем на плодороднейших берегах Рихаса. Плодятся, соответственно, куда как меньше. И значит нехватки земли, как живущие в дельте, не испытывают. Ну и свободных ресурсов, конечно же, имеют поменьше. Так что «законная возможность» редко становилась причиной для переезда.

Вот и получилось, что когда Игорь, пользуясь правом победителя без обиняков заявил, что все общее – теперь его, но что ваше – то ваше, вообще ни кто не возразил.

Нет, старики-то, наверное, поворчали. Но остальные, скорее, было просто плевать. Они ждали ответа на куда более интересный вопрос: как «новая метла» поступит с теми, кто под «шумок» гражданской войны, порешал в свою пользу застарелые земельные споры с соседями.

Тут уже пострадавшие нашлись, однако не настолько много, чтобы они организовались и настоятельно попросили «учесть их ожидания». Тем более что мелкие изменения границ Игорь не утверждал, только если прежние хозяева сумели выжить. А случилось такое нечасто.

Вот поместья захваченные целиком, и даже отдельные фермы размером от полноценной «земельной доли» и больше – Игорь отбирал. Исключения были сделаны только для тех, кто успел присоединиться к нему до победы, или казался очень уж потенциально полезным в будущем.

Были еще кланы, уничтоженные по другим причинам. Не из-за земли, а в случайном набеге, или просто шедшими мимо войсками. Такие, временно ничьи владения, тоже отошли в руки нового ярла.

Все вместе это позволило почти устроить личные владения.

Хотя правильнее всего такие земли называть «коронными». Они принадлежащие Игорю не на правах личной собственности, а находились в его власти, потому что он был ярлом треверов – носил «корону», как символ своего статуса. Хотя внешне ни какой разницы вроде бы и не было. Распоряжаться и тем, и другим, Игорь мог почти одинаково свободно. Пока правил, конечно.

Но самое главное – новые владения были расположены во всех остальных частях марки, а не сконцентрированы на западе (5) и вокруг Нойхофа, как например, наследство прежнего ярла.

(5) *Бринмор* (валл. [brun-] холм + [-tawr] большой) – главный замок и земли разгромленного кельто-германского клана кондрусов. Расположены на самой западной оконечности Треверской марки, а его захват описан во второй книге серии «Конунг: Треверская авантюра».

Это очень помогло в затеянной Игорем «перепланировке».

* * *

На момент завоевания, марка представляла собой инертную массу, и приказы правителя исполнялись из рук вон плохо. Все «госуправление» ограничивалось фигурой самого ярла, и сумбурно назначаемыми на время сбора налогов доверенными слугами.

При всех минусах человеческой природы, именно развитое чиновничество превращает аморфные образования в государства. Не говоря уже об империях. Вот на создание хоть сколько-нибудь внятной системы управления Игорь и потратил свое время.

Уже к зиме территория марки была разделена на семь административных округов-уездов [Приложение 1], одним из которых стал и столичный Нойхоф. Город давал почти треть всех налогов, имел собственный городской совет, поэтому, естественно, получил и особый статус. Хотя земли вокруг него и отошли к другому округу.

Как и с Москвой или Питером в современной России, которые так важны даже в масштабах огромной страны, что стали отдельными субъектами. Масштабы, понятно, куда скромнее, но принцип – схожий.

Система уездов полностью упорядочивала сбор налогов и воинской силы, уже хотя бы просто намечала будущую вертикаль власти, и самое главное – мелким кланам и отдельным семьям она давала защиту от притязаний богатых и могущественных. Просто присылая официальных лидеров, ярл давал возможность небогатым семьям объединиться вокруг них и защититься от произвола.

Очень важным моментом стало выделение из массы треверов «коронного» (предназначенное для походов и набегов) и «уездного» ополчений (для защиты собственной территории).

В каждом уезде провели отдельные тинги, где каждому объяснили: сколько и по каким принципам местные общины обязаны выделять людей. К весне Игорь знал – сколько у него пехоты, конницы или стрелков, а местные – кому и куда собираться, и в каком именно случае. Всем сформированным отрядам назначили командиров, а в уездах – чиновников.

Всех их пришлось выделять из собственной дружины. Правда, учитывая, что это, как ни смотри, повышение, воины отзывались на такие призывы охотно. В итоге в хирде сменились все старшие десятники и заметное число предводителей дюжин. Что, само собой, вызвало вал повышений среди остальных.

К весне система оставалась сырой, но выделенные общинами бойцы уже имели представление, где и когда проводятся регулярные тренировки «коронных», и ежегодные маневры «уездных» войск. Было продумано, как оповещать людей, вооружать и содержать.

Особенно бывший журналист гордился шестью заложенными коронными замками. Они-то и стали основой, на которой прорастала новая система.

Именно туда планировалось свозить налоги перед отправкой в Нойхоф, хранить оружие и припасы для ополчений, и многое другое. Здесь же поселились и чиновники со своими людьми.

Во-первых, **наместник** – самая хлопотная работа.

Он – одновременно кастелян уездного коронного замка, обязанный содержать и улучшать по намеченному плану его укрепления и хозяйство, при этом отвечает за состояние дорог, мостов, переправ и причалов, снабжение всех и вся, кого нужно было содержать и снабжать за счет ярла.

Во-вторых, **полковник**

Эти присматривали за подготовкой, вооружением и вообще готовностью коронных рот и хоругвей, а в случае нападения – возглавляли уездное ополчение. Эдакий средневековый вариант военной корпорации – «территориальный полк».

В-третьих, **мытарь**

Вместе с дюжиной выборных присяжных он заранее подсчитывал урожай и размер причитающегося налога, а потом его по факту уточнял, собирал в натуральном виде или деньгами, и отправлял в казну ярла. Отсчитав, конечно, необходимую сумму на местные расходы.

Четвертый чиновник должен был вести местные архивы и проверять работу остальных, хотя приказать им и не мог. Когда шумной толпой ближников решали, как должность будет называться, Игорь посмеялся и просто без затей предложил назвать «комиссар».

Шутку оценили только остальные трое землян, ну а местным было все равно. Работа эта придумывалась под самых смысленых из молодых ребят младшей дружины, и возражений не нашлось.

Для коронных замков пригодились «ничейные» или конфискованные земли во всех уголках марки.

Сначала выбирали те из них, что находились как можно ближе к транспортным и географическим центрам будущих уездов. Ну и потом Игорь старался обменять оставшиеся разрозненные земли, на поместья и фермы, лежащие поближе к будущему военно-административному центру.

* * *

В общем, бывший владелец поместья, из-за куска которого бонды и судились, оказался неженатым полусотником в хирде у прежней династии. Его зарубили под Нойхофом. Ну, или закололи.

Сам он считался «пришлым», и после него, конечно, осталась пара наложниц и девочка-бастард, но признавать ее он то ли не собирался, то ли просто не успел, так что поместье отошло Игорю, как и прочие выморочные владения.

Хотя за два года до этого покойный отжал этот кусок земли у своих соседей, но спорить они тогда не рискнули, и тинг границы поместья утвердил. Так что сейчас, по Закону, выходило, будто крикливые наглецы хотят «огрabitь» своего же судью.

Когда Игорь разобрался во всем этом, он ржал до слез.

Даже похожие друг на друга как братья красномордые здоровяки слегка смутились, а их собственная группа поддержки (судя по всему многочисленные родственники), и вовсе откровенно принялась потешаться над недотепами. Пусть и пока в полголоса. В отличие от остальных зрителей, собравшихся со всей округи на «малый тинг».

Отсмеявшись, Игорь решил не жадничать, и популистски «восстановил справедливость». Участок разделили, а спорщики в виде компенсации отдарились.

Один из них принес неплохой меч. Сейчас, правда, ценный больше с точки зрения эстетики и археологии: очень качественное железо с причудливыми серебряными насечками на клинке смотрелось симпатично и дорого. Но судя по небольшой длине клинка и узкой рукояти – отковали его очень давно.

Последние 50-60 лет, как фризы стали пересаживаться на коней, клинки они предпочитали подлиннее, а такие – стали уделом пехотинцев.

А вот ночная спутница Игоря, была подарком второго. Судя по дорогому наряду, скорее даже своеобразным авансом «на добрую память».

... С сомнением глянув на вызывающе расслабленную позу соседки, Игорь засомневался: а так ли уж он прав в своем стремлении идти на тренировку полным сил.

«Если выживу в этом походе, женщин будет множество, а если зарубят, останется только прибухивать в Валгалле... Это если она все-таки существует ...»

Последняя мысль взбудрила. Сбросив тонкое шелковое покрывало, Игорь выскользнул из кровати и потянулся к простым тренировочным брюкам. Что-то вроде не очень пышных шаровар из тонкой шерсти, с завязками на голеностопе.

«Блин, сегодня же 1 апреля! Ладно, с праздником тебя, – подумал он, и добавил, оглянувшись на ночную соседку, – героический, может даже сделанный из железа, дурень ...»

Острота была, откровенно говоря, так себе. Тем более в виде бормотания, но отличное настроение неожиданно вернулось еле сдерживаемым смехом. Хмыкнув несколько раз, Игорь

подхватил деревянный меч и такую же простую – тренировочную рубаху, – решив одеться уже снаружи.

Но как оказалось, шутка, и прочая возня, дали несколько «неожиданный» эффект...

В здешних краях даже владельцы встали с рассветом. Не говоря уже о молоденьких рабынях. Поэтому соседка, скорее всего, давно не спала. Она, кстати, оказалась забавной, общительной и не без искорки в обращении с мужчинами.

Девчонка, конечно же, не знала, что там новый хозяин бормотал, но некоторые подробности и ни к чему.

Оставаясь по-прежнему на животе и как бы спящей, лукавая хитрованка едва заметно шевельнулась. От умелой небрежности, тончайшее шелковое покрывало, словно само по себе, будто по воле случая, а не «коварного» умысла, соскользнуло с юного тела, оставив его во всей 17-летней красе. И рассветные лучи охотно принялись гладить ее чистую кожу, подсвечивать почти невидимые глазу русые волоски, сохранившиеся на точеных и не знавших джинсов бедрах. В свете восходящего солнца гибкое девичье тело загорелось скрытым доселе золотом, но хозяйка на этом не успокоилась.

Для закрепления вполне предсказуемого эффекта девица едва заметно напряглась, отчего зад приподнялся, оттопырившись и вовсе призывнее некуда. А уж когда она завершила хитрую гимнастику разведением ног в стороны, изобразив превосходную степень «открытости» и приглашения, Игорь просто «примерз» к входному пологу шатра.

«Наверное, минут на двадцать тренировку можно и отложить... Да и в конце-то концов, сегодня я в отпуске, а отплытие – только завтра! – успел подумать он, избавляясь от едва натянутых вещей и дурацкого тренировочного меча.

Сегодня он ему больше не пригодился.

Глава 2. Завтрак Хранителя

Цитадель крепости Виндфан, раннее утро

(9 апреля 2020 года)

Анвар был не так уж и стар. Хотя, по возрасту, конечно, давно уже имел право сидеть у подъезда и клеймить идущих мимо «проститутками». Но он и раньше как-то умудрялся выглядеть одновременно благообразно и молодо, а уж после «магического» восстановления в храме-пирамиде... Теперь уж точно ни один из прежних московских знакомых не дал бы господину Гарипову реальные пятьдесят девять. В «худшем» случае – лет сорок пять. Хотя на взгляд Игоря, внешне тот почти не изменился. Был так же сухощав, опрятен и легок характером. Разве что чуть выющаяся седая борода заметно потемнела, да одеваться стал, куда авантажнее.

Пожалуй, да, именно тут разница была всего заметнее.

При этом чисто внешне – все вроде бы осталось в местных традициях – золото, серебро, меха и дорогая ткань. Очень недешевый полуметровый кинжал на поясе, как признак свободного статуса и высокого положения. Но похож архитектор, все же был не на типичного влиятельного фриза. Скорее – на успешного арабского купца из сказок Шахерезады (6). Новый образ родился сначала в качестве шутки, но оказался неожиданно живучим.

(6) *Шахерезада – главная героиня «Рассказа о царе Шахрияре и его брате», служащего связующей нитью между историями персидского сказочного цикла «Тысяча и одна ночь».*

Первое время, когда Игорь предложил ему руководить строительством крепости и укрепленного порта в Виндфане (а потом, и всей «научно-производственной частью» своего хозяйства), особой необходимости в «представительности» не было. Всеми внешними делами и охраной в это время занимался Эгир (7). Как комендант.

(7) *Эгир (древнесканд. [-ægir-] море) – имя в честь ётуна (великана) Владьки моря; появляется в первой книге серии, как один из десятников набранного среди ивингов ополчения для похода в Долину Некрополей. Позже – сопровождает Игоря на войну против племени Каменных выдр, как старший десятник – командир двух дюжин телохранителей. Воин выжил во время прикрытия каравана с добычей, а после – принес Игорю «кровавую» клятву, как и более сотни других выживших ветеранов. Во второй книге – он растет вместе с возможностями своего хевдинга. От сотника в дружине «вольного» Морского конунга, до одного из двух старших офицеров в войске претендента на треверскую корону.*

Но после победы, когда практически все пленники-треверы были постепенно отпущены или выкуплены родней, а центр власти окончательно переместился в Нойхоф, держать одного из самых опытных и надежных командиров в важной, но отдаленной крепости, Игорь просто не мог себе позволить. Он отчаянно нуждался в управленцах.

Поэтому и пришлось Анвару «выбираться из тени». Тем более что к тому моменту внешние стены, основные башни, ворота – достроили, и Виндфан стал почти неприступен. Порт – тоже перестал считаться уязвимым. Да и было уже Анвару на кого опереться.

Из нескольких сотен собранных невольников, и обращенных в рабство мастеров и умельцев, выделились самые инициативные и талантливые. В итоге, кого-то из них повысили, другим – дали возможность специализироваться, а кого-то и перепродали.

Да и в целом – народ разобрался, чего от него хотят, и как здесь все устроено. Благодаря этому одни – увлеклись необычными задачами, а другие – стали понимать приказы хотя бы без долгих внушений и стояния над душой.

Нынешнее положение работников, кстати, мало отличалось от их прежней жизни. Семьи были рядом и в безопасности, жили сытно, ни кто их не бил, не насиловал, а отсутствие воз-

возможности путешествовать... Так местное средневековье в этом плане мало чем отличалось от земного.

Кузнецы, плотники, пекари или крестьяне, тоже, знаете ли, нечасто это делали. Основная масса ни разу не выезжала за пределы родных деревень и городков. Как и сейчас. У большинства россиян, например, нет загранпаспортов, хотя «горячую путевку» в какую-нибудь Турцию, если бы припекло, себе могли позволить очень многие.

В общем, Эрфару Зодчему (8) пришлось приучить себя «наряжаться», потому что Эгир уехал, а в Виндфан зачастили гости. Торговые. И как оказалось, большие деньги за необычный товар, люди охотнее отдают, как минимум равному по положению. А не странному чужаку «в обносках».

(8) *Эрфар (древнегерм. [Erf] темный, коричневый, смуглый) – приспособление имени Анвар, к правилам местного фризского языка.*

Военное дело и технологии в этом мире в среднем были на уровне земных европейских IX-XI вв. Конечно же, с множеством нюансов.

Например, в медицине. Чудесам в храмах-пирамидах и современные земные врачи позавидовали бы. Если бы знали.

Или водяные мельницы.

Те же канаанеи знали их уже почти тысячу лет, но использовали только для помола зерна. Пару веков назад богатые фризские поселения в дельте Рихаса переняли изобретение, но ушли не дальше.

Игорь с Анваром, естественно, не стали ждать несколько веков или даже тысячелетий «естественного развития», а сразу спрогрессировали прорыв в металлургии, деревообработке и вообще во всех смежных областях. Не особо, правда, его афишируя.

Настоящая революция произошла в Европе в середине XIII века, когда там не просто догадались запрудить реку и заставили ее крутить жернова, а приспособили к этому виду движителя водяной молот. Именно это сделало возможным появление длинного клинкового оружия, латного доспеха и всего того изощренного, в том числе рыцарского, вооружения, характерного для позднего средневековья.

В первую очередь, правда, наши прогрессоры поставили лесопилку. Для строительства требовались невероятные объемы доски и бруса, а нововведение экономило сотни человеко-часов.

Еще через месяц появилась вторая лесопилка, и сразу две водяные кузни.

Одна – сутками плющила сравнительно недорогое кричное железо, обходившееся, как минимум раза в четыре дешевле уже откованного. Вторая – дробила известняк, который тут же на отходах лесопилки пережигали в самодельный цемент, и пускали в дело.

Потом, еще одна кузница, вторая третья, пятая...

Ставились уже специализированные, стационарные цеха внутри крепости, с кучей всевозможных усовершенствований, вроде общей, продуманной системы кранов и лебедок. Но самое главное – с возможностью смены рабочего молота.

Одни из них нужны были под штамповку сразу готовых куполов для шлемов, другие – под вырубание заготовок защитных пластин заново «изобретенных» бригантин, третьи – под штыковые лопаты, и так далее...

Но все это прогрессорство «жрало» металл и вообще очень недешевые местные материалы в чудовищных количествах. Игорь первое время привык постоянно «жаловаться», что это его попросту разорет.

По подсчетам казначея, только на железо было потрачено около 600 тыс. гельдов из собственных средств. Почти треть всей награбленной наличности. Хотя уже к концу гражданской войны Виндфан начал неплохо приносить в казну.

За большие зеркала с серебряной амальгамой, купцы готовы были платить золотом. Практически «по весу», если не учитывать рамы, конечно. Но и эти средства почти тут же, буквально «просачивались» сквозь стенки сундуков.

Производство можно было, и нарастить, но Игорь напрочь запретил привлекать в зеркальный цех, устроенный во внутренних помещениях цитадели, много людей. После шумного обсуждения Анвар с ним согласился, что лучше не перенасыщать рынок, а попытаться удержать монополию, как можно дольше. Такой специфический товар не относился к вещам «первой необходимости», а люксовых вещей и не должно быть слишком много.

Список, идущего на продажу, зеркалами не ограничивался, но был не так чтобы и велик. К вопросу приходилось подходить очень осторожно. Проблема оказалась, очень неожиданной...

С одной стороны, Игорю бы радоваться, как промышленнику. Прогрессорство давало серьезное экономическое преимущество, и его условные «топоры и пилы», например, были бы даже при равном качестве со среднерыночными образцами, куда дешевле.

Вода орудовала молотами, которые человек был просто не в состоянии поднять. И что важно – услуги ее обходились куда дешевле, чем толпа кузнецов, способная показать такую же продуктивность.

Но с другой стороны, выходило, что основная масса обычных (то есть привычных и востребованных) товаров, стала бы конкурировать и разорять его собственных подданных. Гильдии Нойхофа, которые платят Игорю налоги, обещали поддерживать ополчением, и вообще, оказались людьми не без недостатков, но в целом – неплохими, такой подставе вряд ли обрадовались бы.

Кто-то скажет, мол, давайте тогда по среднерыночной цене, так даже выгоднее! Ну да, выгоднее, но только как сферический конь в вакууме. Потому что на таких условиях, уже виндфанские товары стали бы неконкурентными.

Когда новый поставщик приходит на уже сложившийся рынок с практически тем же самым (напоминаю – востребованным) набором товаров, какие шансы у него занять хоть сколько-нибудь весомую нишу, если связи уже сложились? У старожилов между собой куча преодоленных кризисов, то есть уже есть доверие.

При игре «в долгую», экономически, это может и имеет смысл, но «политически» – опять вылезала необходимость конкурировать с собственными подданными. Что вовсе не улучшит взаимопонимание. И в такой ситуации дополнительные несколько тысяч монет – скорее во вред.

Правда, к отплытию Игоря цифры в основном сошлись.

Самые необходимые инструменты и приспособления были готовы, и хотя строительство и отделка продолжались полным ходом, стабильно растущее мастерство и доходы, начали постепенно все это перекрывать...

* * *

– Что думает, господин Хранитель Печати, на счет завтрака? – неожиданно раздался знакомый ехидный голос.

– Господин Великий Чиновник смотрит на эту идею очень положительно. Можно сказать «пристально!» – улыбнулся Анвар, и только после этого отложил прототип будущей поршневой ручки, обернулся и взмахнул руками в подчеркнуто-притворном удивлении. – О! Моя жена – есть. А что ж я буду есть?!

– Будешь! – заверила его Наталья, и приглашающе взмахнула рукавом уютного домашнего халата слугам.

Во время своих поздних завтраков (или – ранних обедов), молодожены предпочитали оставаться в одиночестве. Совершенно не в духе местных традиций, когда состоятельных супругов даже на время сна сопровождали по одному или два личных раба. В глубине души

они по-прежнему не могли воспринимать людей, как часть обстановки, поэтому чувствовали себя несколько скованно в присутствии слуг.

Бывший главбух, кстати, внешне тоже почти не изменилась.

Разве что была «рослой, ухоженной москвичкой выдающихся форм, выглядящей куда моложе своих 43 лет», а теперь, после почти двух с половиной лет жизни в новом мире и нескольких посещений пирамиды – «симпатичной женщиной чуть за тридцать». То есть фактически осталась прежней.

Самые заметные изменения у нее так же приключились в манере одеваться.

Нет, Наталья, конечно, могла себе позволить сшить нечто очень похожее на прежние деловые костюмы. Но при всей тяге выделиться, женщины все-таки предпочитают не выглядеть при этом «дико и чужеродно».

– Все-таки хорошо, что Игорь тебя «оженил»! – неожиданно заговорила женщина жалостливым голосом. – Если бы не Князюшко, отец наш сродный, так бы и ходила девка в «полюбовницах». Состарилась и умерла «во грехе»!

Шутки на эту тему не теряли актуальности уже почти месяц. И гарантированно смущали Анвара. Он и сам пока не мог разобраться отчего...

Игорь и правда, пару месяцев назад, в очередной приезд в Виндфан, неожиданно послал за каждым из них, по-отдельности, и приказал явиться в обычно пустующий тронный зал. На этот раз тот был переполнен дружинниками сопровождения, мастерами, местной охраной – и вообще всеми, кто хоть что-то «значил» в крепости. Тут он огорошил и без того недоумевающую парочку: а отчего это вы, мол, прелюбодействуете до сих пор:

– Дошли до меня слухи (ага, как же – слухи...), что одна из воспитанниц моих, за чьей честью я следить должен, как за своей, пребывает в связи бесчестной. Что с неким удалым молодцем они давно уже от новомодных и малопрстойных хождений под руку, перешли к шалостям и вовсе недопустимым. И позор тот, скоро уже будет НЕ СКРЫТЬ! – указующий перст и хохочущий взгляд ярла совершенно неожиданно уперся в Наталью.

– Какой такой позор... Нечего там скрывать... – принялась оправдываться Наталья прерывистым голосом, растерявшись от всего этого неожиданного наезда и многолюдства, хотя спектакль сопровождался вполне доброжелательным и почти откровенным ржанием.

Окончательно потерявшись под всеобщими взглядами, она сбилась и замолчала, пунцовая от смущения. Женщина лишь молча сверкала на шутника возмущенным и многообещающим взглядом.

Неизвестно что Наталья планировала высказать Игорю за устроенное представление чуть позже, но всем этим планам сбыться было не суждено. Перестав изображать опозоренного отца семейства, тот принял куда более расслабленную позу, откинулся на спинку, и все-таки не смог удержаться, отыграв роль до конца. Правда, теперь уже только по тексту, потому что явно наслаждался «по полной», а улыбка расплзлась и впрямь от уха до уха:

– Ты, ДЕВКА (выделил голосом юморист), видно забыла, что я не только заботливый, и как оказалось слишком доверчивый, Опекун для тебя, но Предводитель народа треверов и Верховный Жрец покровителя племени – Милостивого бога Ления, Врачевателя и Защитника! А он награждает нас, своих верных слуг, даром видеть тайны тел человеческих. Так что новость у меня: жизнь в тебе зародилась! – правда, дальше Игорь опять «увлекся». – Но не та постыдная, что надо изгонять травами, и можно таскать на рыбалку вместо наживки. А та Жизнь, что гордиться следует! Бе-естолочи...

Последний эпитет Игорь растянул на русском, но вряд ли его услышали. Под сводами тронного зала гуляло и билось эхо многочисленных здравниц и даже залихватского свиста, на который кто-то перешел от избытка чувств.

Анвар и Наталью в Виндфане любили...

* * *

Во время той речи они стояли, словно громом пораженные. Хотя мысль своего товарища, конечно же, уловили практически сразу. Не смотря на все чудеса последнего времени, подсознательно они по-прежнему считали себя, как и на Земле, людьми полностью и окончательно пережившими некоторые взрослые возможности. И оттого никак «не могли» поверить в сказанное.

Когда все чуть успокоились, Игорь, не особо советуясь, с все еще растерянными друзьями, объявил, что если жених не решит сбежать, то через три декады он ждет его вместе с невестой в Нойхофе, а после возвращения, тот будет обязан «проставиться» уже здесь.

Хотя ярл опять использовал русское слово, но контекст был настолько прозрачным, что народ опять понятливо распоздравлялся. На этот раз свою долю оваций получил и высокопоставленный сводник.

И вот почти месяц, как они муж и жена.

Хотя если по-честному, то и сейчас в будущее пополнение верили... не до конца.

Нет, конечно, бывший главбух наконец-то сложила два и два, и все подтвердила. Да, «женские дни» у нее и впрямь «не состоялись». Поводов сомневаться нет. Но внешне было еще ничего не рассмотреть, и они не сговариваясь, решили пока тему не трогать.

Лишь немного перешучиваться, вот как сейчас за завтраком, чтобы «понимание» в итоге не казалось слишком уж ошеломляющим.

– А что там за свежепридуманый титул? – переключилась на менее волнующую тему Наташа.

– На время отсутствия Игоря я – «великий и ужасный» Хранитель Печати, – улыбнулся Анвар, кивнув на кушетку слева от себя, и пока подруга завладела кожаным мешком с чем-то квадратным внутри, он продолжил посвящать ее в тонкости «политического момента». – Нет, безвылазно сидеть вместо него на троне в Нойхофе мне не надо, наш героический и неугомный друг заверил, что все знают, что им делать. Но минимум раз в месяц все-таки придется теперь выбираться в Нойхоф «при всем параде». Наверное, на целую неделю... Это, конечно, включая два дня дороги туда, и два – обратно.

В это время молодая успела извлечь наружу красивую расписную шкатулку, и убедиться, что в ней и правда скрывается та самая печать, которую муж теперь обязан хранить:

– И как ты... уже чувствуешь сопричастность к «эксплуататорам»? Возжаждал, наконец, хлестать мелких букашек плетью, и наставлять «на путь истинный»?! А то, надо признать, надсмотрщик над рабами из тебя получился так себе... Развел тут, понимаешь, панибратство... – привычно подтроллила она, продолжая любоваться тяжелой, и явно очень древней, нефритовой статуей.

Неизвестно, как было на Земле, но символом треверов на Ахкияре стал конь. Весь вытянутый, устремленный вперед скакун, явно не фризской работы. Статуя была, как живая, и именно нижняя часть исчерченного рунами постамента, служила тем полем, который покрывали чернилами и прикладывали к Указам и Распоряжениям треверских правителей вроде бы уже две тысячи лет. Ну, или отпечатывали на воске, для подтверждения подлинности писем.

– Знаешь, мне кажется, нет никакой принципиальной разницы между здешним средневековьем, и нашим капитализмом. Все наши партии, точно так же стремятся к власти. Они, собственно, для этого и создаются. И главный аргумент какой?

– И какой? – послушно переспросила женщина.

– Что якобы их способ грабежа самый справедливый.

– Так чем тогда все-таки отличается земная политика? По-твоему выходит, нет людей, которые на самом деле хотят устроить все «правильно», а не стремятся лишь возвыситься?

– Вот ты сейчас намешала...

– Отвечай, как удобно, – отмахнулась молодая, увлеченная новой игрушкой.

– У нас привыкли пренебрежительно относиться к реальности. Даже термин придумали «готтентотская логика». Мол, ха-ха-ха, «добро – это когда я украл корову соседа, а когда наоборот – зло!» А это и на самом деле, правда. И нет в ней ничего постыдного. Пока люди разделены, думать иначе – суицидальная глупость... Да и если вдруг появится всеобщее государство, думаю, соперничество никуда не денется...

Анвар задумался, и заговорил снова несколько минут спустя, не обращая внимания, что жена престала даже изображать заинтересованного слушателя-борца за светлое будущее. Ему просто надо было проговорить некоторые мысли:

– А уж идеалисты... Они, наверное, нужны. Да, в них определенно есть какой-то важный смысл, но что может быть опаснее, чем власть в таких руках?! Нам ли, жившим в России, не знать об этом...

Глава 3. Дан приказ ему на Запад...

Торговая пристань Линкебанка, полдень

(9 апреля 2020 года)

«Морской конь» уже почти час как пришвартовался в центральной – самой почетной, – части бесконечных причалов Линкебанка. Огромный драккар крепко притянули к пирсу, и принялись разгружать. В этом процессе Игорю «места не было», а коней, для охраны и многочисленной свиты, еще не привели. Так что оставалось только скучать в устроенной для него временной каюте, да слушать местных зазывал. По последнему пункту, никакого другого выбора, собственно, и не предусматривалось.

Вытянутый вдоль реки торговый город, считался по местным меркам настоящим мегаполисом. А учитывая неширокие (в земном представлении) улицы и полуденное многолюдство, это было совершенно очевидно даже для Игоря, который получил в Москве, надежную полуторалетнюю прививку от впечатлительности.

В этой части набережной ближе всего к кораблям оказались продавцы «живого товара», поэтому приходилось в основном наслаждаться похвалами «молодым и горячим», или «не очень юным, но трудолюбивым» рабьям. Старательнее всех разорялся какой-то веселый и горластый молодой парень.

– ...Вода, вода! «Медовая вода»... Пожалуйте в таверну «Усталый путник»! Лучшая еда на этом берегу Рихаса... – время от времени перебивали его монологи, бредущие мимо разносчики и зазывалы.

Но стоило случиться паузе, как тот снова принимался:

– Господин, не проходи мимо! Где найдешь таких прекрасных женщин по такой «смешной» цене?

– Некогда мне тут с тобой «хохотать», да и незачем. У меня в достатке и прачек и поварих, – отрезал кто-то ворчливый и явно немолодой.

– Эй, вернись, твоим костям пригодится юная «грелка»! Потратишь серебро здесь, сэкономишь – на очередном походе в храм! – насмеялся вслед весельчак.

– Достойный корчмарь Семан Шестипалый (9), зовет отведать свежайшей, только что выловленной рыбы в его «Пьяном карпе». За пару серебряных гельдов, можно получить большое блюдо жареной рыбы на четверых, два кувшину прохладного пива, обсудить дела в покое и удобстве!

(9) Семан (древнегерм. [seo-] море + [-tan] человек, мужчина) – Морской человек.

– О, посмотрите какие славные воины! Женщин они, конечно же, привыкли брать с мечом в руках, но биться в нашем городе не с кем. Может быть, заплатите серебром, просто чтобы испытать себя и в таком деле? Вдруг понравится...

– Куда ты потащила бочку, – врезался в монолог чей-то визгливый дискант. – Ну-ка сворачивай! Да, к трактиру давай... – стал удаляться его обладатель.

А весельчак-работорговец все не унимался:

– ...смотрите, смотрите, сколько сегодня здесь «владык сечи, мечемашцев, ясеней битвы и пней кровавого поля»! (10)

(10) Кеннинг – разновидность метафоры, характерная для скальдической, англосаксонской и кельтской поэзии; описательное поэтическое выражение, состоящее как минимум из двух существительных и применяемое для замены обычного названия предмета или персоны. Могут быть составными, например «ясень бури мечей» (буря мечей – битва, ясень битвы – воин). Встречаются и очень сложные многосоставные кеннинги, такие как «липа пламени земли оленей заливов» («олень заливов» – корабль, «земля кораблей» – море, «пламя моря» –

золото, «липа золота» – женищина). Здесь: перечисляются кеннинги, означающие слово «воин», при этом последний – явно подколка. «Пни» – остаются после срубленных «деревьев».

«...Ну вот, неужто и в этот приезд, не обойдется без скандала с городской стражей. Они же меня в следующий раз просто не пустят в город. От греха подальше», – не без иронии подумал Игорь.

Нет, в своей охране он был уверен, а вот пополнившие свиту сынки и племянники из благородных семей бывшего восточного анклава, могли и чересчур «лично» воспринять остроты болтуна.

Не то, чтобы парни были невменяемы – нет, – они явно пребывали в восторге от происходящего, и вообще – старались. Но впервые оказавшись вдалеке от дома, в настоящем боевом походе, да еще и в окружении таких же много о себе думающих балбесов...

«Гадство!» – ругнулся про себя Игорь, путаясь в многочисленных пряжках парадно-выходного наряда.

Со стороны – длинный распашной кафтан выглядел броско и беззащитно. Разве что у какого-нибудь любителя коняшек могла дрогнуть рука (геральдика у фризов в ее запутанном земном виде пока не сложилась, но символизм «по античному типу», был распространен; и в нарядах его воинов или, как минимум, на щитах, обязательно присутствовало изображение «бегущего» треверского коня). Однако беззащитность эта была лишь уловкой.

Несколько десятков металлических пластин, нашитых изнутри в самых уязвимых местах, для нападающего стали бы изрядным сюрпризом. И подарили дополнительный шанс своему владельцу выжить. При всем при этом, скрытая броня не давала быстро одеться без помощи оруженосца.

«Да чтоб тебя! – треснувшись напоследок лбом о невысокий проем, Игорь наконец-то попал наружу. – Ну, точно же...»

Две целеустремленные спины в одинаковом темно-зеленом платье с бардовыми вставками, практически успели добраться до «говоруна». Судя по тому, что торговец по-прежнему заливался соловьем и не почувствовал угрозы, шли они с самыми серьезными намерениями, и не планировали «смазать» развлечение, пустым трепом или беготней...

В отличие от юного болтуна, несколько его степенных соседей, прекрасно рассмотрели сгущающиеся тучи, и уже предвкушали «веселье». Парень, своим неумным красноречием, скорее всего, ни единожды перехватывал их потенциальных клиентов, и сейчас они просто жаждали такой развязки.

– Эй, юноша! Да-да, именно ты – болтливый продавец разговорчивого товара! – голос, привыкший отдавать команды, легко перекрыл базарный гомон. – Тебе все-таки следует решить: хочешь ли ты быть скальдом, или продолжишь торговать. Но не спеши с этим, если продолжишь совмещать оба занятия, уверен, у тебя будет время поразмыслить об этом! Думаю, не меньше недели. Вряд ли сможешь быстрее излечить заслуженные тумачи! Я знаю, о чем говорю. Все семь дней до вашего города, эти болваны только дрались между собой, да отлынивали от работы.

Балагур обернулся, и рассмотрел сначала обладателя громкого голоса, а через мгновение – и «мстителей». Очевидно, прочитав что-то действительно тревожное в выражении их лиц, парень невольно сделал шаг назад, но опомнился и замер на месте. Бежать – было нельзя, идти вперед – хотелось еще меньше...

* * *

У кого-то мог возникнуть вопрос: а отчего это ярл потащил с собой ненадежных «восточников», и мало того, взял в свиту их изресте рей-благородную молодежь? Тут дело непростое, и начать придется издалека...

...К концу войны за Треверскую марку ее «восточному анклаву» удалось отсидеться.

Накануне всеобщей драки, вожди четырех сильнейших кланов успели договориться между собой и прижать остальных. Нет, главы более слабых семей не потеряли ни владения, ни власть над родичами. Просто их лишили возможности искать себе союзников на стороне.

И когда все завертелось, восточники принялись всем, кто зазывал их в свои ряды, цинично и вежливо отвечали: мол, не знаем, на чьей стороне боги, будем ждать, когда воля их станет явной.

Правда, одновременно они вели тайные переговоры с коалицией племен убиев и тулингов, но внешне все оставалось благопристойно: анклав сепаратистов оставался абсолютно нейтральным, не пытался даже пограбить соседей под шумок.

Благодаря такому единству, и германцам-хундингам, и кельтам-южанам, стало невыгодно делать настолько сильную и, одновременно, пассивную компанию, своим врагом. Они принялись биться между собой, отложив решение «восточного вопроса».

Что дальше получилось – вы знаете.

Когда Торговый Союз купил участие Игоря в будущей войне с канаанеями, вынудив убиев и тулингов отступить без драки, сепаратисты покорились. Да, они признали его власть и дали все необходимые клятвы...

Но именно оттого, что в итоге ни кто не брал их замки, не громил родовые ополчения, не жег фермы и поместья, они не только сохранили «слишком много» сил, но и набрали новых. Несколько сотен беглецов из центральных земель, например, заплатили за вступление в их кланы, в качестве «младших», но вполне полноправных членов.

Все это не делало восток настолько сильным, чтобы надеяться устоять против сил всей остальной марки в случае драки. Но кто мог гарантировать, что в отсутствие Игоря Коронному Совету удастся сохранить единство остальных земель, особенно если усилившиеся восточные кланы взбунтуются?

Поэтому чтобы ехать со спокойной душой на войну, их требовалось как-то ослабить!

Полгода назад, стоило восточникам покориться, Игорь ввел свои отряды и взял под контроль тамошние замки, крепости и небольшие городки. И чисто теоретически, до того, как были принесены взаимные клятвы, он мог устроить резню. Все бы отнеслись с пониманием. Даже сами жертвы. И они осознавали риск.

Но корова не может давать одновременно и мясо и молоко. Такая же штука с подданными.

Да и нельзя было забывать, что чем слабее кланы, тем у них, конечно же, меньше желания бунтовать. Но тем слабее треверы в целом, и тем больше у соседних племен поводов смотреть на них, как на потенциальную добычу.

Так что ослабить нужно было, избежав грабежей, убийств, пожаров и сопутствующего сокращения населения. Или создать систему, которую бы весомая часть местных приняла и стали считать своей. Пусть даже и недовольно морщась при этом.

Пытаясь найти выход, Игорь стал выяснять, что восточные кланы надеялись получить, кроме удовлетворения амбиций своих вождей. И решение нашлось. Рискованное, но дающее при удаче не только сиюминутные выгоды...

* * *

К концу гражданской войны главные участники всего этого бардака – северные «германские» и южные «кельтские» кланы, – оказались слишком потрепаны. Попеременные победы и разгромы, заметно сточили родовые дружины, да и просто исчерпали их желание воевать.

Но самыми разоренными оказались бывшие центральные земли. На тамошней равнине развернулись основные сражения, выжжена половина селений и выбито не меньше трети населения...

А вот вожди востока, запада и жители Нойхофа – силы сохранили.

Ополчение горожан умудрилось не понести существенных потерь, не смотря на участие в битве на стороне разгромленных хундингов. Поначалу они довольно умело отбивались в строю, а когда стало ясно, что уже все, сумели не разбежаться и сдаться почти в полном составе.

К этому времени личные силы Игоря существенно подросли, и их хватило бы для лобового столкновения с любым из уцелевших анклавов. Приди тем в голову такая дурная идея. Поэтому когда он начал реформы, возражать ему оказалось просто некому.

Основные силы Запада находились в армии победителей и только что получили богатейшие трофеи. С горожанами – Игорь договорился напрямую и все его идеи для них особо ничего не меняли.

А в каждом, хоть сколько-нибудь значимом родовом замке, городке и крепости на Востоке, сейчас стояли гарнизоны победителей. И очень-очень недобро посматривали на сохраненное местными благополучие.

Выждав около месяца после Указа «О принятии под свою руку всех равнин, гор и лесов, а также незаконно захваченных земельных долей и поместий пресекавшихся родов», убедившись, что это не вызвало массового отторжения, Игорь озвучил сразу два новых решения, и все вместе эти законы должны были изменить треверов навсегда.

Второй указ – сообщал о разделении территории на уезды и вызвал обсуждения разве что в стиле «а может лучше бы вот так...». Но третий – стал настоящей бомбой.

С одной стороны, он серьезно подрывал власть клановой верхушки, с другой – укреплял позиции всех остальных треверских семей и, конечно же, их глав.

Ну и в качестве бонуса, он восстанавливал некоторые почти забытые вольности.

Указ «О справедливом устройстве жизни» обязывал вождей кланов и крупных родов, передать в руки подчиненным им так называемым «большим семьям» (11) личные земельные доли, и засвидетельствовать это на тинге. Каждому младшему родственнику владетельная семья обязана была передать земли, обрабатываемые ими сейчас.

(11) В раннее средневековье доминирующим типом семьи была «большая семья», включавшая в себя, наряду с супругами, их родственников – часто несколько поколений. «Малая супружеская семья», как самостоятельная ячейка, уже существовала в этот период, но начинает укрепляться лишь с XIII века. При перечислении ее членов упоминаются не только муж, жена, дети, но и домочадцы – родственники, проживающие в доме, включая незаконных детей, слуги, приживалы.

Если это не было сделано раньше, и земли хватают, то все должны были получить поровну. При этом владетельные семьи не обязаны были делить все имущество. Если была возможность выдать остальной родне по полноценной земельной доле, то себе могли оставить все остальное.

В большинстве фризских племен, где вождям пока еще не удалось возвыситься над своей родней в качестве безусловной силы (узнаваемым прототипом феодала, похожим на ярлов и конунгов, только рангом поменьше), клановая власть держалась на двух вещах.

Конечно же, на традиции, предписывающей младшему родственнику подчиняться старшему, и совместном держании земли. Если первая «родоплеменная скрепа» буксовала, глава всегда мог прижать вольнодумца «пунктом №2».

Когда Игорь отобрал эту возможность, власть клановых вождей ослабла минимум вдвое, как и их возможность сопротивляться этому нововведению.

А сам он, на волне популизма, наоборот заметно укрепился.

Кстати, поначалу указ планировалось откатать лишь на востоке и разгромленных территориях центральной равнины. Но почти сразу же его действие расширили на север, а потом и на всю остальную территорию марки.

Пришлось постараться, но даже владетельные семьи в итоге были вынуждены принять новые правила. В последние пару месяцев перед отъездом, все со скрипом, но работало уже по-новому. И одна из главных причин была в том, что их не просто ломали через колено, но и

пытались найти точки соприкосновения. Хотя бы с частью из них, чтобы задумай «непримиримые» бунтовать, они просто не смогли бы добиться прежнего единства...

Для начала треверы смогли даже за такой короткий срок убедиться, что новая система и правда, куда честнее, а власть – заботливее.

...К концу сентября вся территория марки уже была под рукой нового ярла, а на середину ноября в этой части Эйдинарда (сразу по окончании сезона муссонных дождей), приходится посевная. Многие семьи и кланы оказались ограблены, и даже имея какие-то сбережения, просто не успевали купить семена, или встали перед необходимостью делать долги. Но при общей неуверенности – долги под очень грабительские проценты.

Всем желающим посеяться Игорь помог с этим из собственной добычи. Не бесплатно, но с самым минимальным «интересом».

А как раз к его отъезду – за месяц до сбора урожая, который обычно начинался в апреле-мае, – заработали и новые мытари. Как они покажут себя, местным было вдвойне интересно, потому что завоеватель не воспользовался возможностью поднять налоги.

Новые уездные мытари начали объезжать поля, и в присутствии двенадцати выбранных на весеннем тинге присяжных, принялись записывать: какие поля засеяны, чем и подсчитывать ожидаемый урожай.

Раньше могла постоянно происходила какая-нибудь путаница. Слуг хундинги назначали произвольно, и случались, то попытки, например, дважды собрать налоги в одном месте. То о ком-то забывали и, узнав об этом, начинали мотать нервы, взыскивая недостачу.

В нынешнем варианте такое становилось невозможным, потому что появился конкретный чиновник, который точно знал, за какую территорию отвечает, и его работу легко было проверить.

Кстати, налоги не только не выросли, но стали назначаться еще и куда «разборчивей».

Если раньше, держатель земельной доли обязан был выплатить ярлу пятую часть среднего урожая вне зависимости оттого смог он посадить или нет, то теперь земельный налог распался на две части. Обязательными стали только 10% от среднегодового урожая, а еще десятину – платить нужно было, только если смог вырастить.

Похожая штука была проделана и с арендой. Ее размер тоже был ограничен пятой частью среднего или фактического дохода.

Но больше всего Игорь, конечно же, гордился реформой суда.

Внутри кланов, семей и родов местные вожди по-прежнему могли судить родню, но приговорить к смерти – уже нет. Право «жизни и смерти» над треверами кроме ярла получили только выборные уездные судьи-вергобреты (12).

(12) *Вергобрет* (галл. [vergo-breith] муж суда) – верховный судья у галльских народов: у эдуев, арвернов, треверов.

В последние двести лет ярлы-хундинги запретили эту вольность, но Игорь решил восстановить. Не без некоторых новшеств, но в целом – похоже.

Под юрисдикцию местных судов не могли попасть лишь слуги ярла, то есть его собственные дружинники и чиновники, а также вожди, получившие титулы «баронов» (13). Тут Игорь не стал изобретать «колесо» и дал знакомое земное название, но по своей сути оно было не совсем тем же. Да и титул получили далеко не все главы благородных семей.

(13) *Барон* – слово пришло из германского (франкского) языка, с первоначальным значением «человек, мужчина». В средневековой Западной Европе – это крупный владетельный дворянин и феодальный сеньор.

Бароны имели право сами водить свою родню и соседей в случае сбора уездного ополчения, а если решение вергобрета не устраивало, требовать разбор дела ярлом, который после всех нововведений оставался Верховным судьей племени. Присудить смерть барону тоже могли лишь с согласия правителя (**Приложение 2**

Достаточно свободный суд и защита от него же в виде титула – стали способом подсластить пилюлю благородным семьям, несколько прижатым в новой реальности.

В ту же «копилку» лег и подарок с принятием их отпрысков в свиту на время этого похода. Но на самом деле, Игорю просто нужно было, чтобы никто не помешал прижиться нововведениям. Поэтому он и решил подстраховаться, и полупринудительно, увести наиболее боеспособную часть родовых дружин бывшего восточного анклава с собой, а их молодежь – стала еще и заложниками. Хотя ни кто об этом вслух и не говорил.

Хотя были, конечно, и другие надежды. Например, попытаться сделать активную часть тамошней воинской элиты «своими людьми». Попробовать завоевать их доверие...

Глава 4. Эверберг

Владения ивингов

(18 апреля 2020 года)

После высадки в неформальной торговой столице всех фризов, экспедиционный корпус треверов просочился сквозь шумный город-порт мелкими ручейками, и снова слился в единое целое сразу же за его пределами. Здесь их, с огромным табуном лошадей*1*, уже ждали отправленные почти на два месяца раньше фуражиры.

***1* Экспедиционный корпус треверов**

Посольство:

1 – ярл Ингвар Треверский (3 верховые\3 вьючные лошади)

3 – оруженосец, повар и конюх (6\3)

6 – личные телохранители ярла (12\6)

120 – хирд, одна из двух придворных «сотен» (240\20)

Основной отряд и осадный обоз:

1 – коронный тысячник Дольф Рихтерсон (2\2)

3 – телохранители Дольфа (6\3)

16 – саперы, кузнецы, шорники и столяры (4\0 + 8 облегченных фургонов и 24 тягловых лошади)

24 – возчики (при 12 облегченных фургонах и 36 лошадях)

38 – артиллеристы, при одном «8-тонном» и шести «4-тонных» требушетах (16\0 + 22 специальные повозки при 68 тягловых лошадях)

120 – сводная рота из стрелков и пехотинцев младшей дружины (8\30)

240 – две роты «добровольцев» из бывшего Восточного анклава (480\40)

= 572 человека при 1012 лошадях и 44 повозках

(из записей Анвара Гарипова)

Парни отлично справились, умудрившись даже сохранить часть выданного им серебра. За это и разделили между собой на вечернем пиру, довольно щедрою награду.

Начальников-скупердяев и сейчас-то ни кто не любит, но что им грозит? Максимум – подчиненные станут, время от времени, «козлить» в курилках всякими словами. Ерунда! Но в те тысячелетия, когда власть держалась не столько на традициях, сколько на личной преданности, «Щедрость» у правителей считалась и вовсе чуть ли не самой главной «опцией» (может быть, второй после «Справедливости»), поэтому репутацию следовало поддерживать.

Игорь старался.

При каждой возможности напоминал окружающим, какой же он отличный предводитель. Однако к наградам дело дошло только в темноте, а оставшийся световой день (да и весь следующий), пришлось потратить на свой «бессловесный», но от этого не менее строптивый транспорт.

Еще во время планирования компании, совет пришел к выводу, что перегнать собственных коней к Линкебанку возможно, но лучше все-таки заранее купить их с южной стороны хребта.

В марке, конечно, даже после недавней войны не испытывали дефицита в «лошадиных силах», но из-за недостатка пастбищ, разводить предпочитали животных более крупной, выведенной уже здесь, породы. Резвых и небольших коней, не очень требовательных к корму и привычных к пересеченной местности, вроде бы тоже хватало. Но было их не настолько много, чтобы не задрать минимум в два-три раза цены при массовой скупке. И это еще в лучшем случае. Все-таки требовался табун почти в одиннадцать сотен копытных.

В общем, вопрос с лошадьми благополучно разрешился только на следующий день, но походные дела только этим не ограничивались, и первое, чем народ занялся в день прибытия, это принялся ставить палатки, размечать кострища и рыть походные туалеты... Короче – обустроить полноценный воинский лагерь. Пусть и всего на две ночевки.

Первые семь дней с момента отплытия их Нойхофа отряды были разбросаны по разным кораблям и предпочитали держаться на стоянках именно рядом с ними. Изматывающая с непривычки гребля, не на много веселее занятия на время попутного ветра, да незамысловатая пусть и сытная еда на стоянках – все это так себе радости. Поэтому собравшись наконец-то все вместе, суровый мужской коллектив в предвкушении вечернего угощения и выпивки, всю вторую половину дня гомонил, что твои кумушки у колодца...

* * *

Как все началось с пьянки, так и продолжилось ею же. Семь дневных переходов к Эвербергу больше напоминали курорт, чем начало боевого похода.

Весь путь от Линкебанка тревверское войско делало переходы не больше какого-нибудь обычного торгового каравана. От одной до другой обжитой, за тысячелетия использования, стоянки, по натоптанным до каменной твердости дорогам. Правда, растянувшаяся почти на два с половиной километра воинская колонна, постоянно обгоняла попутных торговцев и заставляла сходить на обочину встречных путешественников.

Действительно, без обременительного груза и медлительных, пусть и могучих волов, суточные расстояния они преодолевали куда быстрее, а потому и времени на отдых оставалось изрядно. Из-за этого к моменту, как на горизонте обрисовались контуры Эверберга, тревверы потеряли не больше двух десятков лошадей и ни одной повозки. Разве что несколько запасных колес пришлось извлечь из запасок, но их было заготовлено более чем достаточно. Да и после распределения вьючных и верховых коней, «за штатом» все еще оставался табун почти в шесть десятков голов.

Охромевшие, как-то еще искалеченные или просто слишком строптивые животные, по умолчанию отправлялись в котел. Так, собственно, и планировалось с самого начала, учитывая сколько мяса требовалось ежедневно нескольким сотням мужиков.

Конина, кстати, как у древних германцев, так и у здешних фризов, считалась пищей воинов. Именно этих животных приносили в жертву на мистериях Отца дружин Одина, поэтому такую диету все воспринимали как минимум с пониманием. Да и не ждал народ разносолов.

Одного забракованного мерина или кобылы, должно было впритык хватить на ужин и завтрак, и дать возможность сэкономить 180-200 кг солонины или копченостей. Правда, в дни, когда кандидатов на заклание было больше одного, Игорь приказывал жарить туши на вертелах целиком, или запекать крупными кусками в специально устроенных ямах, а не просто сдабривать кашу или, похожий на нее же, густой суп-шулюм.

Людям при этом, чаще всего выдавали еще и дополнительную кружку вина или пива.

Все-таки пока они шли по дружественной и достаточно густонаселенной местности, восстановить запасы было несложно. А немного взбодрить людей перед будущими трудностями и лишениями, выглядело в целом неплохой идеей. Хотя и увеличивало ежедневные расходы на сотню-другую гельдов. Но такое расточительство дало и один поначалу неучтенный эффект...

Две роты из четырех полупринудительно набрали в бывшем Восточном анклав. Естественно, «добровольцы» совсем не горели энтузиазмом. До стычек и скандалов дело не доходило, но держались они явно отстранено, да и общаться старались в основном между собой.

В войске их получалось лишь немногим меньше половины, поэтому не замечать такое было трудно. Единственное, что позволяло особо не волноваться на счет дисциплины, так это некоторая настороженность и внутри самих отрядов – между воинами из разных кланов и родов. Но это здесь – в безопасности. А предстояло вместе воевать, и Игорь не мог не учитывать такую разобщенность.

Однако за день пути до Эверберга, когда очередные то ли три, то ли четыре коняги отправились в котел, а бывший землянин в угоду популизму велел снова выдать дополнительную выпивку, народ к закату как-то слишком уж расшумелся...

Игорь в это время разбирался с только что полученными сообщениями.

Учитывая его личные проблемы со здешним рунным письмом и всевозможными племенными диалектами, пребывал он от этого не в лучшем расположении духа. Склонный нередко проявлять «гнилой либерализм», в этот раз ярл решил призвать весельчаков к порядку. А заодно и чуток спустить пар.

При этом, как и всякий добродушный человек, Игорь все равно испытывал некоторую неловкость, собираясь разгонять чужое веселье. Из-за этого время от собственной палатки до южной части лагеря, откуда и неслись залихватские звуки, он потратил на то, чтобы внятно сформулировать суть претензий. Не особо вдумываясь в нюансы происходящего.

Каково же было его удивление, когда Игорь обнаружил смешанную толпу из собственных дружинников и восточников, по-приятельски наярывающих очередную бесконечную песню про «ясней битвы, славно подравшихся с соседями, и везущих домой такой же неистощимый мешок с добычей...»

Постояв некоторое время в размышлении, не стоит ли укрепить боевое братство еще кружкой-двумя, ярл так же молча развернулся и скрылся в палатке. Не забыв, правда, напомнить дежурному офицеру, чтобы тот сильно не затягивал «со всем этим».

* * *

Эверберг встретил Игоря совсем не так как прежде.

Нет, два года назад, после разграбления некрополя в Долине Ушедших все жители уже высыпали в честь землянина на улицы, балконы и крыши. Хотя саму добычу и привезли отдельно – двумя днями раньше.

Но приبلудный чужак считался практически одним из них. Игорь со своими спутниками пусть временно, пусть на непонятных для большинства основаниях, но жил тут же – в цитадели. На крайний случай бойцы его отряда – уж точно были местными. Так что причину того давнего многолюдства нужно искать только в удовлетворении любопытства.

Хотя Игорь и допускал, что уже тогда люди рассмотрели привезенное богатство, прикинули удачу человека, который мог все это добыть, и однозначно решили, что нет – этот непонятно одетый, со странными привычками и плохо говорящий на их языке муж, явно «не простой смертный». И именно тогда он стал им интересен сам по себе. Даже без учета средневековой скуки и минимума новостей.

Но сейчас – все и в правду было совсем иначе.

Устроенный ярлом Эрвином прием, больше напоминал пышные и немного пафосные гулянья, которыми его самого чествовали прошлой осенью в Нойхофе. Сегодня Игоря встречали, как равного...

Еще тогда, в середине сентября правитель ивингов признался, что он готов был помогать, и желал ему удачи, но не верил в такую победу. Рассчитывал на самое большее, что его гость хорошо окопается в Виндфане, и может быть сумеет отхватить у хундингов ближайшие – южные земли Треверской марки.

К тому моменту бунтовщиков-южан изрядно бы пожгли-пограбили, и с пришельцем могли решить просто не воевать. Хотя бы временно. И уже это сделало бы Игоря законным хозяином земли, а не просто очередным «морским конунгом», который чего-то там удачно пограбил.

Были вполне весомые шансы, что он бы сейчас находился в статусе формально зависимого, но на деле – совершенно свободного в своих решениях владетеля. И уже это стало бы огромным достижением: вырасти от голозадного чужака, до одного из благородных владетелей.

– Кто бы мог подумать, что из-за непонимания собственных сил, сможешь победить род, державший тамошние земли то ли семьсот, то ли восемьсот лет, – улыбнулся Эрвин Сильный, выглядевший как-то растерянно в тот вечер.

И вот сегодня Игоря встретили совсем не так, как принимают старого знакомца. Скорее – как «старого знакомого, равного тебе по силе и положению». Ну, или почти равного.

Все-таки в отличие от скудных земель у Врат батавов, речные владения ивингов были куда обширнее и богаче, поэтому в целом – племя было даже несколько многочисленнее трехверов. Особенно после их недавней междоусобицы...

...Когда голова походной колонны приблизилась к подножию Вепревой горы (14), их встретил небольшой разъезд дружинников яра Эрвина, поприветствовал и проводил к месту ночлега.

(14) Эверберг (древнегерм. [ever-ʌebur-] вепрь, дикий кабан + [-berg] гора) – Вепрева гора, крепость, строительство которой было начато 42 года назад. Готское племя ивингов, считающих себя потомками Дикого Кабана, возвело полноценное укрепление на необжитой части своих земель.

Временный лагерь хозяева разбили с южной стороны. Сразу у посада – обширной, но слабо укрепленной части поселения, где жили рабы, вольноотпущенники и некоторые купцы держали свои склады.

Здесь их уже встречал ярл Эрвин с ближайшими слугами и самыми знатными жителями.

Обнял, выслушал славословия, а в ответной речи сообщил, что все эти бочки с выпивкой, и пища на длинных деревянных столах – для дорогих гостей. Но самому Игорю и его ближайшим командирам, предложил поселиться частью – в его прежних покоях в цитадели, частью – в одном из выделенных поместий в верхней части города.

После этого они расстались примерно на час – именно столько понадобилось времени, чтобы весь караван собрался в отведенном под ночевку месте, а воины получили по кружке вина, пива или меда, и шипящий кусок горячего мяса.

Подняв первый кубок, Игорь пошутил на счет «трудностей» пути, когда всю дорогу они только и борются с обжорством да пьянством, посоветовал не привыкать, и отбыл на пир к хозяевам.

Эверберг был именно крепостью, поэтому верхний город за каменными стенами был очень плотно застроен в сравнении с тем же Нойхофом. Хотя и населения здесь обитало почти вдвое меньше, но сейчас все были на улицах, и его отряд с трудом протискивался среди уже подавших ивингов.

Тем более что кроме офицеров, Игорь взял с собой и всех тех, кто был в его первой дружине, принесшей свою «кровавую клятву» именно здесь, у стен Эверберга. В итоге в делегацию набралось почти сорок человек, и у половины из них были знакомцы или друзья среди местных. Подъем получился очень душевным, но долгим.

Как и сам пир.

Первую половину вечера тосты звучали чуть ли не ежеминутно, и только когда народ крепко поддал, а толпа распалась на «клубы по интересам», состоялся разговор, ради которого весь этот официоз и затевался.

– Инго.. Игва.. Ингвар, – так и не сумев выговорить земной вариант имени своего гостя, ярл Эрвин сдался и перешел к делу, слегка ошарашив гостя. – Осознаешь ли, насколько непрочно твое положение?

– Мне казалось, я довольно крепко держу свои земли. Да и воинов, думаю, у меня побольше, чем у прежних властителей марки. И это не смотря на недавнюю резню, – вполне искренне удивился Игорь, и тут же забеспокоился. – Я что-то опять не знаю?

– Нет, – отмахнулся ярл, – у твоих дальних соседей сейчас затишье, но наемники все еще в цене, а значит, соперники успокоились ненадолго. По-прежнему живут в раздорах и заняты

лишь друг другом. Просто набираются сил и выжидают... Да и ближние соседи, думаю, все еще помнят наше предупреждение. Ни тулинги, ни убии не станут умышлять...

– ...тогда?!

– Наследник. Пока некому передать власть, то и самой власти у тебя считай, что и нет! Скажи, стремятся ли владетельные семьи отдать к тебе на службу своих сыновей? Кроме тех, кто сразу встал под твои знамена...

Набравший воздуха, чтобы как-то поспорить или хотя бы пошутить, про собственное здоровье, Игорь замер, и принялся перебирать в памяти все прежние события и разговоры. Хозяин крепости не мешал, казалось, полностью погрузившись в выбор самого сочного персика среди оставленных слугами корзин и блюд. Игорь в это время мучительно перебирал все невнятные, на первый взгляд, разговоры, что заводили с ним друзья-советники.

Победив в войне, он пытался держаться «как прежде», но чувствовалось, что между ними выросла не стена, нет... но некая «ступенька». Раве что остальные земляне продолжали наедине подкалывать, как прежде, но для них все это могло быть и не очевидно.

А вот фризы – те стали куда сдержаннее, и с непрошеными советами подходили куда осторожнее.

«...Ну да, кто с самого начала был со мной, стараются пристроить «лишних» сыновей и племянников хоть куда-нибудь. Даже в младшую дружину, созданную изначально почти полностью из крестьян и горожан, да и воющую в основном не престижно – пешком, – не толкнуться от желающих. Интригуют, взятки суют наставникам... А вот другие вожди – нет. Покорны, готовы услужить, и держатся вполне доброжелательно, но молодежь не шлют. Не связывают надежды, значит... Или не уверены, что я надолго...»

В такие моменты Игорь начинал верить, как и вся остальная толпа, что ярлы-жрецы могут читать мысли. Эрвин Сильный, просидев все время мучительных размышлений отстраненно, заговорил ровно в тот момент, когда бывший журналист все осознал, согласился, и захотел все это обсудить.

– Хочешь спросить, почему я завел с тобой этот разговор, и думаешь, что у меня, наверное, есть какое-то предложение?

– ...Все так, – неожиданно рассмеялся Игорь, немного отвыкший от их прежних многочасовых бесед.

– Что думаешь, если предложу породниться со мной? Будь уверен: рода я не худого, и предки мои властвовали среди ивингов кабы не дольше, чем новые подданные твои хундинги, правили треверами... – совсем по-свойски подмигнул ярл. – Не сомневайся: дам хорошее приданное, да и никто из соседей больше не посмеет сомневаться в твоём роде или в достоинстве будущих сыновей...

Глава 5. Помолвка с размолвкой

Крепость Эверберг, утро после пира

(19 апреля 2020 года)

...Вчера я напился. До изумления.

Нет, никаких там рвотных сюрпризов, неловких падений и прочих издержек физиологии. Алкоголь на жреца и правда действует куда меньше, но надраться все-таки умудрился. Сидя утром в своих прежних покоях – да, тех самых, что стали практически родными за первые полгода жизни в новом мире, – пребывал в некотором раздрае. Даже голова немного побаливала. Но больше всего, конечно же, «мутило» от воспоминаний...

У себя в марке даже не пытался лично ввязываться в хоть сколько-нибудь замысловатые интриги. Предпочитал экспериментировать «стратегически». Не стараться «обжудить» потенциальных противников по одному. А местные благородные семьи, как ни крути, противники.

Ведь вся земная история, собственно, это рассказы об усилении правителя через «прижимание» аристократии, и взятие на службу мелкого дворянства. По крайней мере, до того момента, пока республики вдруг не стали моднее княжеств, королевств и империй. Хотя и современная земная политика – что это, если не возня о границах прав новой аристократии...

Короче, у себя в Треверской марке я даже не пробовал играть «на равных», а сразу старался создать условия, чтобы у местных владельцев не было возможности даже «сделать ставку» в этой «монополии».

Действовал совершенно в духе трактата того знаменитого китайца... Ну, который считал вершиной воинского искусства и стратегии, умение победить врага вообще без сражений. Типа – чувак год натирал доспехи и точил меч, приходит – а ему уже репарации назначили, и сделать, самое главное, ничего нельзя (15).

(15) Искусство войны – самый известный древнекитайский трактат стратега и мыслителя Сунь-Цзы, жившего ориентировочно в VI веке до н. э. Дословно название звучит как «Законы войны (военные методы) почтенного (учителя) Суня».

Кстати, именно так получилось с моим Указом «О справедливости...»

Вынудив клановых вождей передать подчиненным семьям законную часть общих родовых земель, я резко, прямо в одно движение расколосил их единство. Лишил владетельные семьи даже возможности выступить против...

Нет, иногда все же приходится действовать... Скажем так – «более традиционными методами». Но для этого у меня есть глава клана Серебряного Ветра Тарен Терпеливый – Коронный канцлер и Первый наместник Треверской марки.

Вот он – по-настоящему опытен именно в таких вопросах и вообще – «методах». Умеет без шума, пыли и драк разрешать мелкие постоянно возникающие кризисы. Правда, не смотря на громкие титулы, оставил Тарена всего лишь одним из четырех членов Малого коронного совета, на который и возложен присмотр за владениями.

Нет, доверяю я ему полностью, но...

Все-таки даже у самых положительных и добродушных «интриганов» с прозвищем «Терпеливый», всегда есть соблазн «заиграться». Терпение – штука отличная, и ее сильно не хватает в любом из миров. Особенно среди людей, так и норовящих врезать топором, вместо того, чтобы просто поговорить. Но иногда нужно сначала послать тяжелую пехоту, а потом уже разговаривать. Желательно – в каком-нибудь уютном месте и в присутствии расторопных парней, умеющих калить железо и пользоваться хлыстом.

В общем, оставить-то я его оставил, но вот сейчас, Тарена чертовски не хватало именно здесь. Мне до зарезу нужен был помощник, который бы знал все местные традиции и немного даже расклады. Доверенный человек, способный объяснить, что тут вообще произошло.

Потому что сразу после того, как ярл Эрвин ошарашил предложением породниться, и мы вместе вернулись в пиршественный зал, дальнейшие события ... как-то не задались.

* * *

Не смотря на некоторое беспокойство и непонимание я, конечно же, мог только радостно принять предложение и многословно поблагодарить.

При всех будущих непонятках, оно было и правда, щедрое. Особенно учитывая, что речь шла не об одной из десятков, если не сотен племянниц или вдов из каких-нибудь побочных ветвей, а о любимой и единственной внучке правителя ивингов. О 20-летней Одиллии (16).

(16) Одиллия (древнегерм. [ot, aud] богатство) – дочь единственного, рано погибшего, сына ярла ивингов Эрвина Сильного; сокращенный вариант имени – Отта.

Классической такой девице скандинавского типа. Не сказать что сильно красавице, но и, слава местным богам – не коренастой поперек себя шире валькирии, которых немало попадалось среди здешних жителей.

Отта наоборот – была скорее излишне сухожава, да и грудь... скорее обозначалась, чем и впрямь имела в наличии. В обычном случае я вряд ли проводил бы ее заинтересованным взглядом, хотя на лицо девушка и казалась довольно миловидной. Или даже «симпатичной».

Но не суть: в вопросах политики лицо невесты – это не самое важное...

Да и ярл предложил имя невесты пока не озвучивать:

– Понимаешь, для многих давно уже не секрет мое участие ... в твоём возвышении. Но услуга, оказанная в прошлом, даже такая, вовсе не повод дружить в будущем. Так что думаю, на время пока ты будешь в походе, другим лордам лучше не знать, насколько далеко мы решили зайти в желании сохранить и укрепить нашу дружбу. Да и не только им...

– Пока не до конца понимаю, но вроде не вижу повода возражать, – согласился я, не сумев скрыть сомнение в голосе. – Если так будет лучше...

– ...будь уверен! Отта наследует мое достояние. Стань известно, что именно ее я отдам тебе, и мой брат испугается за свое положение. Сейчас его подбивают на неповиновение жена, и лишь некоторые доверенные слуги. А тут – боюсь, дело все-таки дойдет до усобицы, потому что он и сам в это поверит...

Чувствовалось, что ярлу очень неприятно углубляться во все это. Хотя кому, как не мне знать именно такие нюансы. Все-таки однажды убийцы, посланные невесткой Эрвина Сильного, уже приходили (17).

(17) Сквозное событие книг «Конунг: Вечный отпуск» и «Конунг 2: Треверская авантюра».

В общем, я тогда так и не решился задать самый главный вопрос: а что именно означает для меня получение в жены наследницы всего имущества властителя ивингов?!

Все-таки учитывая ближайшие планы, я и до свадьбы-то могу не дожить. Да и после свадьбы – попробуй, предскажи, кто именно из нас окажется долгожителем. Хотя понимать все эти, даже теоретические варианты, мне не только хотелось бы, но и было жизненно необходимо.

Но не решился. Отложил такие вопросы на будущее...

...В общем, вернулись мы в зал, и ярл озвучил свою новость, в так сказать «урезанном виде». Вариант – чисто «для прессы», как говорили в прошлой земной жизни.

Кстати, судя по всему, возможность такого брака на местных кухнях раньше не перетиралась. Стоило ярлу Эрвину озвучить предварительную договоренность, а мне ее официально подтвердить, как на лицах многих приглашенных появилось настоящее изумление.

Специально обратил внимание именно на «обычных» гостей, потому что «читать» придворных было слишком уж непросто. У них все – от внешности до эмоций, – находилось просто под каким-то тотальным контролем. Синхронные улыбки и сразу поздравления. Без паузы.

Новость, конечно, вызвала настоящий шквал приветственных криков и поздравлений. Гости снова стали следовали один за другим, и казалось, винные подвалы цитадели попросту не выдержат... всего этого воодушевления.

Выдержали.

Хотя ущерб, наверное, все-таки получился о-го-го какой немаленький.

За первую половину вечера все и так успели изрядно поддаться, а новость вызвала и вовсе невероятную жажду. Гости так спешили опорожнить кубки и обсудить, кто же станет невестой, что совершенно «не стеснялись» и иногда перебивали друг друга в полный голос.

Надо заметить официальную версию «о простом желании двух владетельных семей породниться» (пусть даже одна из этих самых «семей», и состояла только из самого жениха), никто не оспаривал. По крайней мере, вслух.

* * *

Бросив, в какой-то момент прислушиваться, Игорь снова стал размышлять обо всем этом.

Думал-думал, и как-то увлекся. Потому что когда понадобилось сходить «до ветру», вдруг обнаружил что пьян.

Знаете, как бывает... Все вроде по-прежнему, но откуда тогда взялось это неоправданное воодушевление? Желание обнять весь мир, смеяться и шутить практически по любому поводу. И надо же было встретить в этот момент именно будущую жену, да еще и с какой-то совершенно безрадостной физиономией.

Игорь в целом любил людей, но особенно, конечно, женщин. Поэтому как-то излишне сочувствовал плоскогрудым.

А тут идет она такая – поникшая. Вся в каких-то переживаниях посреди всеобщего веселья.

Нет, на самом деле: как жрец, он четко видел, что самый настоящий кисляк у девушки не только вместо лица, но и на душе. Ну и как он мог пройти мимо в этом состоянии «всеобщей любви»? Естественно, Игорь воспринял все это, прямо как личный вызов...

...Здесь в Эверберге, в обычное время коридоры вокруг тронного зала всегда пустовали. Естественно их и не освещали толком. Один два факела на каждые 30-40 метров, поэтому потолки, почти на всем протяжении, скрывались где-то высоко в темноте, а каменные стены с какой-то особой готовностью подхватывали звук твоих шагов и уносили куда-то в глубину огромной цитадели.

Но сегодня его использовали для пиршества, поэтому все было с точностью до наоборот.

В крепости собрались главы всех окрестных, хоть сколько-нибудь значимых, семей с женами и наследниками, поэтому учитывая продолжительность пира, в какой-то момент молодежь устала высидеть за столами и слушать скучные «взрослые» разговоры. Почти вся она, может быть за малым исключением, просочилась в боковые галереи и те самые коридоры, чтобы обсудить куда более увлекательные вещи, чем виды на урожай, цены на пшеницу и ячмень, или даже такой интересный вопрос – кто же именно из многочисленного правящего клана, станет женой ярла треверов.

Так что шансы не заметить странно поникшую Отту среди нынешнего многолюдства (если не сказать – столпотворения), конечно же, были. Но видно не судьба...

– Ливэ Отта, приветствую! – Игорь раскланялся несколько небезупречно, но по здешним временам вполне куртуазно. – Отчего бы тебе ходить с таким выражением на лице? Посмотри вокруг: неужто же любимой внучке ярла нерасторопные слуги единственной забыли выдать другое?! Праздничное! – размашисто взмахнув вдоль собственного профиля, он подчеркнул мысль самой широкой улыбкой из доступных. – Этих лентяев предлагаю «вздуть» позже. Завтра! А пока если хочешь – возьми мое! Или... давай схожу за своим кубком! В том золотом

бочонке, что мне по ошибке выдали для питья, еще осталось почти на десяток счастливых лиц...

Толпящейся вокруг молодежи хватало и собственных тем для общения, но они просто не могли не заинтересоваться, о чем же шутит бывший загадочный чужак, а теперь ярл и, вроде бы, даже будущий родственник их собственного господина.

– Отчего это мне нужно веселиться, ливэ Ингвар? – как-то неожиданно холодно отозвалась Одиллия.

Игорю бы среагировать на странную «сдержанность» девушки. Тем более настолько неожиданную. В прошлом, она вроде бы дружила с Катей, поэтому не должна была иметь какого-то предубеждения к гостям своего деда. Да и при нечастых встречах, была вполне доброжелательно настроена.

Но вернувшись в свой первый здешний «почти дом», бывший журналист как-то расслабился. Вино и хмельной мед легли на подходящее настроение, и его было не остановить...

– Еще у себя дома, я подозревал, что когда вокруг много счастливых людей, – снова взмахнул рукавом гость, – у всех остальных на душе становится светлее. Даже когда есть настоящие причины для грусти... Открыв в себе талант «жреца», теперь это могу утверждать куда увереннее. Но если у тебя не так, то порадуйся за кого-нибудь из родственников! Я слышал, что в этом деле и благородные, и не очень девицы равны. Радуются, когда кого-нибудь замуж отдают...

– Так это если брак ожидается счастливый, с достойным мужем. А можно ли уверенно утверждать такое сейчас? – уже откровенно недобро отрезала Отта, – впрочем, не трогаясь с места, – явно настроенная продолжать скандал.

Ни чем иным такой афронт быть не мог, и удивленные зрители замерли в полном недоумении.

Боясь при этом пропустить хоть слово, хоть жест или даже интонацию, поскольку ни кто из них не сомневался: именно эту непонятную историю будут обсуждать у всех здешних очагов. Хорошо если в ближайшие полгода. Но это если из размолвки не вырастит настоящая вражда. Иногда кровь проливалась и за меньшее.

– У меня на Родине говорят, что «женщина жалуется на судьбу только в двух случаях: когда у нее нет мужчины, и когда мужчина у неё есть!» – попытался все свести к шутке Игорь, но под конец не удержался от небольшой шпильки. – Поэтому повод для радости все же вижу: теперь еще у одной из женщин появится законный повод понуть!

– Глупые простушки пусть делают что пожелают, но отчего радоваться мне? Это у тебя, ливэ Ингвар, теперь наконец-то появились причины веселиться. Кем ты был еще недавно – безродным чужаком, а теперь – породнишься с древним и уважаемым родом. Станут с тобой считаться, и перестанут брезговать другие великие дома...

Это было уже совершенно недвусмысленное оскорбление, и треверский ярл на мгновение замер, словно громом пораженный. Но на умение разговаривать это не повлияло.

– Не стану хулить род своего друга, человека сделавшего для меня столь многое... Кровь в жилах Эрвина Сильного и впрямь дает немало поводов гордиться. Но только у него-то и у самого их хватает. Ярл Эрвин по праву высоко несет не только родовое, но и собственное имя. А скажи мне: вот какая радость у достойного мужа взять в жены... ну вот тебя, например? Ты сама-то – чем таким известна?

– Что-о-о?!

– Не «штокай» тут на меня! Стою сейчас, и думаю в ужасе: а вот если даже в такой достойной семье, как твоя, вместо нормальной девки, достанется мне в итоге что-то столь же несуразное и крикливое... вот как ты?! Думаю об этом, и места себе не нахожу. От девиц из богатых домов, конечно же, не ждут особых прибытков, кроме тех, что можно в серебро обратить... да в связи полезные. Но вот – могла быть и покрасивее!

– Да меня тебе никто и не предлагает! Меня нужно быть достойным... – оскорбленно взвизгнула Одиллия, на миг, онемев от возмущения, и тут же перескочив на другую, совершенно противоположную мысль. – Да и что это тебя еще могло бы не устроить?!

Не дав ей возможности разразиться чем-то уж совсем недобрым, Игорь мгновенно парировал выпад.

– С одной стороны ты и верно, ничего... Наверное, можно сказать и красивая, – провел тот подчеркнуто «сальным» взглядом по небольшой, но вполне заметной да и чего греха таить – «приятной» выпуклости ниже талии, и тут же добавил совсем другим – пренебрежительным тоном. – Но с другой...

– ...но с другой? – запальчиво выкрикнула без пяти минут невеста.

– Но «с другой» стороны – у тебя только лицо, – отрезал он, под почти откровенные смешки многочисленных зрителей.

Покрытая густыми красными пятнами возмущения и стыда, просто разрываемая изнутри от негодования, девушка не сумела ничего выговорить. Не выдержав всеобщего веселья, в жгучих и злых слезах она рванула куда-то вглубь цитадели, сопровождаемая ближайшими подругами.

– Вот видишь, – громко, но меланхолично прокомментировал гость вслед, явно, впрочем, ни к кому не обращаясь, – женщины всегда делают нас счастливыми. Сначала тем, что приходят в нашу жизнь, а потом – если наконец-то оставляют в покое!

Последняя реплика вызвала уже ни чем не сдерживаемый хохот и для Отты стала вовсе невыносимой – над ней смеялись «свои». Вдвойне обидные раскаты хохота, до самых покоев преследовали убегающую девушку. Жалили ее в самое сердце.

«...Да, – уже про себя подумал Игорь, – а не «пролюбил» ли я свой будущий союз? Надо сходить к ярлу Эрвину, а то как-то слишком далеко эта «милая» пикировка зашла... Нет, ну чего она на меня взъелась-то...»

Глава 6. Госпожа Катрин

Окрестности Гостевого квартала Нойхофа, время к полудню

(21 мая 2020 года)

Катрин, подопечную ярла нашего, опять понесло в Гостевой квартал.

Третий день ее туда словно манит что. И опять без служанки! Значит, опять будет бессмысленно бродить из лавки в лавку, а если и купит чего у заезжих купцов, то снова какая-нибудь диковинку. Из тех безделиц, что весят меньше уплаченного за них серебра.

Тьфу! Виданное ли это дело, чтобы в девках оставалась та, что тридцатое лето то ли уже встретила, то ли вот-вот разменяет?!

Нет, верно говорят: есть вдовы жены, что и без мужского догляда, позора родне особого не приносят. Скорее – наоборот. Здесь, в Нойхофе, даже купчих помнят, что после пропажи мужей в дальних походах, дела вели на многие тысячи гельдов. Пока дети их в возраст не входили. Да и после сыновья не забывали, кто может дать мудрый совет, снова в случае нужды присмотреть за семейной мастерской, лавкой или землями. А тут...

Хотя воспитанница, конечно, хороша! Ох, и хороша, упаси боги от таких мыслей...

...Несколько месяцев назад, когда меня и еще двух хирдманов призвали к ярлу, десятник ничего не стал объяснять.

Время шло ближе к полудню. В дежурной сотне больше думали о еде, да об очередном обеденном кубке, чем о каких-то там делах. Тем более и день выпал редкий, когда ярл не скакал из конца в конец своих владений, а пребывал в городе.

Было такое после войны нечасто и, судя по кислым лицам моих товарищей, все мы одинаково расстроились, что предстоит опять бить сутками задницу о седло. Но нет, десятник все же «снизошел» и успокоил всех, велел идти «прямо так», без брони и вооружения. А значит, ни кто не собирался нас отсылать куда-то прямо сейчас – по солнцепеку.

Прихватили разве что мечи.

Клинок на поясе для большинства из выбравших Путь Воина, был продолжением тела. Ну, или – частью обязательного наряда и подтверждением нашего положения среди треверов. И без него давно уже немислимо стало показаться за пределом казарм.

...Господин пребывал в тронном зале Пирамиды. Правда, привычной очереди из просителей в тот день не было. Толпились старики и больные лишь внизу – у входа к алтарю, где трепещет зеленое Сердце Жизни. А в небольшом зале на вершине, оказалось непривычно пусто. Судя по всему, ярл держал совет со своим доверенным Слугой Тареном, прозванным за мудрость «Терпеливым», когда «что-то произошло...»

Старая, еще янгонская, пирамида в Нойхофе опиралась на скальное возвышение, а потому все ее 260 ступеней и сейчас приходилось преодолевать по одной. Из-за этого у здешних правителей всегда была цитадель – сама по себе, а трон в храме-пирамиде – отдельно.

Уже почти тысячу лет предки ставили храмы меж холмов, в расщелинах скал или рыли под них котлованы. Предпочитали они делать так, чтобы ее плоская вершина служила одновременно и полом будущего тронного зала. Была сам защищенным местом...

К тому времени, как мы поднялись в «Малый» Зал Власти, перед господином нашим стояла знакомая всем нам Катрин, какая-то аппетитная молодуха из состоятельных горожан, немолодой полусотник из городской стражи с парой смущенно переминающихся воинов, и совсем уж старый да какой-то испуганно-помятый пузан. Явно из добропорядочных торговцев или мастеров. С нашего места было не рассмотреть, знаки какой именно гильдии тот носит на поясе.

– Скажи-ка мне Катя, чего это вы не поделили с этой достойной молодой женщиной... – ярл Ингвар пребывал в веселом расположении духа, хотя на лице и старался сохранить выражение недовольства.

– ...девицей! – пискнула испуганная, но явно решительно настроенная горожанка и, отозвавшись на вопросительно приподнятую бровь господина, уточнила. – Вторая дочь купца Мерсинда Широкого...

– Остановись, милая! Хочу тебя заверить, но и такие красавицы как ты, и девицы к кому Фригг была не столь благосклонна, могут не бояться несправедливости или излишней жестокости! Уверен я, боги дали ярлов и танов племенам фризов, чтобы мы не только неукоснительно карали отступников, но и не давали плодиться раздорам между своими подданными. Поэтому раз подопечная моя отмалчивается, будь так любезна, расскажи хотя бы ты: из-за чего вы разгромили лавку старого ювелира? – ярл взмахнул рукой в сторону цеховика. – Посмотри, в каком беспорядке пребывает душа и наряд этого достойного мужа из-за двух столь «опасных» красавиц! Хотя я уверен, не смотря на прожитые годы, он не позволил бы разбойничать в своей лавке и целой шайке викингов, доведись им схватиться!

Сказанное настолько не вязалось с одутловатой внешностью немолодого мастера, что женская часть почти одновременно прыснула и смущенно потупилась, а хирдманы, к тому моменту уже минут пять стоящие позади неподвижно замершего десятника, и вовсе нелюбезно заржали.

Отмолчался лишь коронный канцлер Тарен, которому невместно было лицом своим не владеть, да стражники, но и тут – ничего удивительно. Вряд ли даже их полусотник так уж часто удостоивался права подняться сюда – на самую вершину храма.

Сказанное и вправду нельзя было воспринять всерьез. Наверное, в последние лет сорок «о боевых умениях и героизме» старика забыли даже шутить. Но хотя мастер не мог этого не понимать, его лицо зарозовело от ...благодарности, и он молча поклонился.

– Мы ...поспорили за одну бронзовую вещицу. Птицу из тех, что похожа на сделанные давно ушедшими племенами и народами. – Пояснила девушка и чуть качнула золотоволосой головкой в сторону ювелира, – Старый Идфред сказал, что ее продали какие-то удачливые расхитители гробниц.

В это время мастер, кажется, действительно пришел в себя, и попытался старательно и незаметно привести свою одежду в порядок. Пойманный за таким «недостойным» занятием перед лицом правителя, он снова порозовел, и поспешно извлек из поясной сумки предмет спора.

– Эти люди были откуда-то с запада, господин.

– Надо же, – совершенно искренне удивился ярл, – «птеродактиль»?!

Последнее слово никто кроме Кати не понял, и она тут же решила как-то подкрепить свою шаткую позицию:

– Вот!

Всепобеждающая уверенность в ее голосе, придала этому короткому слову какое-то неоправданно веское звучание. Было не очень-то понятно отчего, но некую собственную неправоту одновременно почувствовали буквально все остальные, в том числе и самые невольные, участники скандала. Но поскольку «нападение» было осуществлено чисто по-женски – на полутонах и без фактов, – как именно противостоять этому «обвинению», не нашлась даже дочка торговца.

Ярл в это время увлеченно вертел в руках потрясающе «живое и подвижное» тело необычной птицы.

Древний или не очень умелец, запечатлел момент, когда перепончатокрылая тварь вся подобралась, и явно задумала спланировать с тонкого края утеса или с очень толстой ветки.

– Я сразу как увидела, поняла, что тебе будет очень интересно! – продолжила обрабатывать окружающих Катя.

Отвлечшись, ярл с некоторым сожалением отставил на подлокотник трона фигурку, и задал неожиданный вопрос:

– А кто победил-то? – и уточнил, в ответ на недоуменные взгляды. – Кому теперь будет принадлежать эта «крылатая ящерица»?

Вполне логичный, если подумать, вопрос вызвал неожиданное смущение, и даже испуг... у «второй дочери купца». Девушка на мгновение даже подалась назад, но тут же опомнилась, и выпрямилась во весь свой небольшой рост. Гордо вскинув золотоволосую головку, она до предела натянула ткань на груди.

Все мужчины тут же смогли убедиться – «все что надо» у нее в наличии, не смотря на раннюю юность. Спустя время необходимое на все приличествующие моменту мысли, ярл Ингвар отреагировал и на бессловесное «признание». И тоже без слов.

Измерив удивленным взглядом пигалицу и заметно превосходящую ее статями землянку, после чего изобразил лицом насмешливое недоверие. Вся эта шуточная пантомима явно предназначалась Кате.

Мол, как так-то?!

* * *

Все вопросы отпали, когда полусотник из городской стражи так же, не говоря ни слова, вытащил из-за пояса тонкий посеребренный кинжал и, пряча улыбку в бороде, ткнул пальцев в пустые ножны на поясе у «второй дочери» и вообще пустую талию воспитанницы.

Всем тут же стало понятно, что Катю приняли за слишком наглую рабыню-наложницу и решили «проучить».

Вот тогда-то мы трое и узнали, что нас переводят в «дворцовую» полусотню, и каждый обязан теперь по очереди сопровождать Катрин при любом выходе из дворца.

«Забываешь носить кинжал на поясе, – он, видите ли, слишком тяжелый, – придется воинам таскать за тобой сразу меч!» – попытожил тот, давний разговор, ярл. И вот уже почти полгода мы ходим за Катрин. Стража просто перестала ее выпускать одну из цитадели...

Кстати, ходят слухи, что пока ярл Ингвар жил в землях ивингов, он часто призывал свою подопечную на ложе. Но сейчас это если и бывает, дворцовые слуги не судачат о таком. От того девка, наверное, и разбрасывает серебро на всякую блажь... От того и есть у нее это серебро, а твердой уверенности в жизни – нет.

Господин может и не пользуется «своим богатством», но балует. Сам не раз видел, как часто он приказывает выдавать ей подарки.

Так что хороша... воспитанница, ох хороша, но упаси меня боги!

Одно дело «помять» разбитную служанку – господин смотрит на то без гнева. Если, конечно, молодая прачка, повариха или горничная сама не прочь.

А чтобы им быть против? Особливо сейчас, когда половина дружинных казарм опустела, уйдя вместе с ярлом на другую сторону Великого хребта. Оставшейся половине воинов и вовсе не узнать отказа...

«...Куда опять подевалась? – отвлекся от воспоминаний воин. – О, вот она! Что делает эта...»

Оказывается, землянка последние несколько минут лишь перебирала ткани в одной из богатых лавок Гостевого квартала. «Изучала» все это время она группу каких-то чужаков. Без сомнения – удачливых воинов, – если судить по обилию серебра и даже золота на их одежде. Хирдман был уверен: позволь чужакам хотя бы здесь носить оружие, он бы увидел достойные мечи, секиры и броню.

– ...повторяю, девка, ты нам не по карману! Да и старовата, как ни глянь! – озвучил очередную насмешку самый молодой и вертлявый из чужаков.

Остальные в это время наслаждались скандалом. Судя по всему, они, как и девушка в той давней истории, обманулись отсутствием знака свободного статуса на поясе Катрин, и приняли ее за избалованную купеческую наложницу, или кого-то еще из рабынь.

– Ты что же это, псица брехливая, назвал меня «продажной старухой»?!

Неизвестно что больше зацепило Катю – обвинение в «проституции» или намек на неподходящий для этого возраст, – но все эти месяцы жизни у подножия трона для нее не могли пройти бесследно. Отсветы власти Игоря падали и на нее тоже, тем более что у нового правителя официально были лишь четыре наложницы-горянки, но не было свободной женщины-спутницы или жены. А слухи об их совместном прошлом ходили.

Поэтому Катя не только «вернула» насмешки сторицей, обозвав болтуна «пустым лжецом» и «бабой-псицей». Судя по продолжению, на этом она совсем не планировала останавливаться, решив применить еще и «административный ресурс»:

– ...а велю-ка я сейчас отвести вас всех к городскому судье! Не знаю, как в ваших собачьих краях, но у нас прилюдные оскорбления свободных женщин так просто не проходят!

Последняя реплика вызвала куда менее уверенный смех чужаков. А вынырнувший через мгновение из толпы, и замерший за спиной у девушки рослый хирдман в цветах местного ярла, заставил кое-кого из весельчаков даже испуганно побледнеть. Дружинник не сказал ни слова, но почти тут же над Гостевым кварталом раздалась призывная треть его свистка...

* * *

Цитадель Нойхофа, начало последней вечерней стражи (около 22.20)

В отсутствие ярла вечерние пиры отменялись.

Выдача пива, вина и стоялого меда сокращалась до минимума, а несколько сотен воинов, придворных и слуг Верхнего города, разбредалась по своему усмотрению. Это был давний и нехитрый способ вызывать у ближайших подданных и слуг искреннюю радость, от возвращения правителя домой.

Но Игоря ждали не раньше, чем через полгода – год, а потому стоило отзвенеть третьей вечерней страже, семейные – стали привычно собираться. Им предстояло вернуться в свои квартиры, дома или поместья, выданные большей частью в Храмовом квартале или в самой цитадели. Те из придворных, кто не достиг таких карьерных высот или был пока одинок, шли в казармы или во временно закрепленные за ними комнаты здесь же, в самом сердце Нойхофа. Но перед тем как отправиться спать или за приключениями, каждый мог получить свою долю с господского стола. Все – согласно званию, должности, ну и умению ловчить...

Нет, кормили-то при дворе вволю всех. И сытно, и обильно. Скрытое соперничество шло лишь за всевозможные ништяки: выпивку получше, еду посвежее да подороже. Но в местной «табели о рангах» именно воины занимали первые строчки, а потому именно дружина в таких вопросах стояла на первом месте.

Членам военных корпораций вообще «только дай повод». Особенно, если самое Высокое начальство отбывает по делам, а остальное руководство тоже не против «пошуметь». Так что в свой клуб по интересам оставшаяся на хозяйстве «придворная военщина», превращала любое сборище. В том числе и чисто служебное.

Например, сегодня коронный тысячник и предводитель ополчения Эгир Лысый собирал всех уездных полковников, чтобы спланировать первые настоящие маневры.

В ближайшие дни в марке должны были закончить с уборкой, отгулять один из двух годовых Праздников Урожая, и собраться на один из двух тингов. После которого пройдет и первый полноценный сбор воинов по новым законам.

Полгода назад уездные воинские начальники ограничились лишь подсчетами, да составлением списков и прочей возню. Сейчас же нужно было наконец-то заняться настоящим делом.

Полковники, кстати, не обязаны были учить большую часть ополченцев умению держать оружие в руках. Этим каждый тревр должен был озаботиться сам. Но вот объяснить, как действовать вместе, понимать те же самые команды, что и дружина...

Именно все это и превращало толпу вооруженных мужчин в армию (**Приложение 3**). В реальную военную силу, способную, как отбиться от соседей, так и успешно наведаться в гости к ним самим. Если появится такая необходимость...

В течение дня все вопросы решились, и сейчас должна была закончиться небольшая – чисто местная вечерняя планерка. К ее началу с верхних – спальных, – этажей спустятся рядовые хирдманы, после чего оставшиеся в дружине ярла и ушедшие «на повышение» боевые товарищи «уездные полковники», планировали просто и без затей выпить. Столы в большом соседнем зале уже ломались от еды, а слуги вскрывали бочонки с выпивкой.

В хорошо настроенной военной машине все вопросы решаются, словно сами собой. Командир, обнаруживший какую-нибудь проблему лично, или получивший предварительно вытек от начальства, встает, коротко рассказывает «что было, что стало», и если вопросов нет, вставал следующий.

Эгир хорошо понимал эту «мелодию порядка», поэтому часто оставлял возможность вникать в нюансы старшими из своих подчиненных. Сам же предпочитал в такие моменты, оценивать происходящее, скажем так, в целом. Поэтому-то уже в конце совещания тысячник сразу заметил, как в небольшой зал, выбранный для докладов, просочился кто-то из городской стражи.

Пока все бурно обсуждали очередной затык с ремонтом самого большого требюше в порту (установленного на стенах Крабьего форта, и способного держать под обстрелом, как гавань, так и прилегающие воды), гонец принялся что-то шептать на ухо своему старику-командиру, отчего тот резко переменился в лице.

– ...Думаю, пора заканчивать это обсуждение, – заговорил Эгир. – Предлагаю попросить Эрфара-зодчего прислать кого-то из мастеров, и пусть те на месте глянут, что можно сделать, чтобы канаты перестали отсыревать, а боевые метатели – ломаться. Ну, или пусть сделают, чтобы с ними это происходило пореже... – взмахнув останавливающей рукой, тысячник дал понять заулыбавшимся воинам, что рваться к столам еще рано. – Перед этим, только хочу уточнить в Городской страже: что там сегодня за «шум» был в Гостевом квартале?

– ...вот об этом я и хотел бы поговорить, господин. Мне кое-что стало известно прямо сейчас... – судя по голосу, хэрсир (18) был и правда, взбудоражен, а при его обычной флегматичности это внушало серьезное беспокойство.

(18) Хэрсир – предводитель ста, сотник.

– Слушаю тебя!

– Сигнал призыва подавал телохранителей госпожи Катрин. У нее случились какие-то негоразды с заезжими хирдманами, но когда дежурная дюжина прибыла, все уже разрешилось, и вроде даже к всеобщему удовольствию...

– «Вроде»?

– Она даже не захотела «помотать им нервы», – сотник ввернул запоминающуюся фразу ярла. – Сам понимаешь, дежурный десятник, конечно же, знал кто она, поэтому хотел польстить воспитаннице, и немного пригнуть их... в рамках Закона. Осмотреть там корабль, повяснять кто они, откуда, нет ли среди них кого из наших же изгнанников... Но госпожа Катрина вдруг довольно доброжелательно «заступилась». Ответила, что этого, мол, не нужно. Зачем, мол, такие неудобства добрым гостям... Повода поступить иначе у десятника не было, и он отступил.

– ...но? – снова поторопил Эгир.

– Да, мы с ним служили еще при прошлом ярле, выпили ни одну чашу и знаем друг друга хорошо. Поэтому он сразу же пришел рассказать мне об этой непонятной истории. И да,

я решил присмотреть за гостями. Приставил людей. Из портовых. И вот сейчас, пришел мой человек, и сообщил: уже по темну на корабль чужаков поднялась женщина в богатом плаще, лица которой он не рассмотрел, и судно тут же отплыло. Как раз перед закрытием гавани на ночь...

В зале повисла тишина: за окном была тьма, а значит, кнорр чужаков сейчас мог быть очень далеко.

– Болван, которому поручили присматривать, сразу после отплытия отправился пить, решив, что все равно уплыли, а значит, не к спеху... можно сообщить и завтра. Мой человек, – кивнул хэрсир в сторону гонца, – сам догадался, что доклада почему-то не было, нашел его, расспросил, и поспешил сюда...

– Он не останется без награды, – задумчиво ответил Эгир, мысленно находясь далеко отсюда.

– Я пошлю людей за хирдманом, что сопровождал Катрин? – проявил инициативу один из старших десятников и остановился возле выхода, дожидаясь отмашки.

– Я смотрю, никто не предлагает проверить сначала в ее покоях, – невесело усмехнулся Эгир, и кивнул, отпуская инициативного воина. – Да, наш господин Ингвар будет недоволен. И что-то мне «говорит» – сильно недоволен...

Мерсинд (древнегерм. [mari-] знаменитый, славный + [-sind, -sint] дорога, путь, путешествие) – Славный путь.

Фригг (или Фрия, на др.-в.-нем. [Frija] возлюбленная) – в германо-скандинавской мифологии жена Одина, верховная богиня. Покровительствует любви, браку, домашнему очагу, деторождению, но не страсти. В честь нее назван один из дней недели – «пятница».

Идфред – традиционное двусоставное имя, состоящее из древнегерм. слов [it-] усердный, трудолюбивый + [-fridu, -frithu] мир, безопасность.

[Полуденное нагорье]

«... Нет в Северном Ахкияре места более причудливого и разнообразного, чем это. Разве что загадочные «Топкие земли», что лежат на восток и юго-восток от Аварского моря. В необычности своей они возможно и впрямь превосходят места, о которых пойдет речь. Но только никак не в разнообразии живущих там народов и самой природы. Да и речь сегодня все же задумано вести об ином... Нагорье, называемое фризами «Полуденным» – это протяженная возвышенность, что включает в себя отроги Алайн Таг – на севере и северо-западе, горную цепь и берег Канаанского моря – на востоке, на юго-западе она ограничена лишь саваннами, что принадлежат братьям нашим батавам. На юге же ее обширные и многочисленные плоскогорья, словно тесто, выпирают в необозримую Аварскую равнину. Беды, что приходят из тех беспокойных краев, не могли не пролиться огнем и другим злом на головы местных народов. И вот именно так, полтора или более того лет назад, на обширное плато в центре Полуденного нагорья и пришли остатки кочевого племени, называющие себя «Люди Равнин». Пришли, сокрушили прежних хозяев, с иными же биться не стали. Конечно, кроме тех случаев, что всяко случаются даже между самыми добрыми соседями. Но остатки-то остатки, да только иные местные народы настолько незначительны числом, что нередко все их мужи, жены, дети и старики, легко помещаются в одном единственном селении на вершине какой-нибудь неприступной горы. Оттого и потрепанный в степях народ, смог занять достойное место среди других тамошних беглецов. Многие мудрецы и мыслители склонны думать, что лишь жители поселений у подножия Алайн Таг, удерживающие за собой верховья изменчивого Кабиара (19), только они и являются потомками изначальных хозяев Полуденных земель. Другие же – придерживаются мысли, что лишь на берегах озера Чанду (20) сохранились первые хозяева нагорья. Так это или нет, однако же, Подгорные кланы так дики, злобны и воинственны, что трудно рассмотреть в них столь древний народ, возделывающий тамошние земли еще до прихода янгонов. Поэтому представляется мне, что правильнее будет говорить об Озерных кланах, как о прежних властителях нагорья. Тем более что единственный древний и открытый всем путникам храм-пирамида, сохранился лишь на благодатных берегах бездонного Чанду ...»

(Из книги «Жизнеописание конунга Ингвара I Славного», 2123 год от Исхода)

(19) Кабиар (янгон.) – Непостоянная; река, впадающая в бессточное озеро в центре Полуденного нагорья, и часто меняющая свое русло в верховьях и среднем течении. (20) Чанду (янгон.) – Богатое; бессточное озеро в центре Полуденного нагорья, из-за этого оно считается бездонным. После сезона дождей значительно увеличивает уровень и объем, но никто не помнит, чтобы оно разливалось за пределы выложенной циклопическими блоками береговой черты.

Глава 7. Дипломатический тупик

Юго-восточные отроги Алайн Таг – в двух днях пути от озера Чанду. Полдень
(22 мая 2020 года)

Невозможно так долго размахивать почти двухкилограммовым «полуторником», и не начать думать о смерти. В смысле – яростно, и от всей души не начать желать ее окружающим. Хотя с этим-то как раз проблем и не было.

«...Ах, ты тварь, хочешь ткнуть меня своей зубочисткой? На тебе...»

Еще один молодой и предприимчивый, но не слишком умелый горец с пронзительным – скорее, удивленным, чем испуганным, – криком, рухнул на узкую каменистую тропу. Этот «косой удар» под щит, сегодня особенно хорошо удавался Игорю. И дело было, конечно, не в неожиданно возросшем мастерстве бывшего журналиста, хотя и это нельзя было исключать.

Просто сидеть в густом колючем кустарнике у дороги, отрядили молодежь не из самых богатых и авторитетных кланов. А значит – вооружена и защищена она была куда как прескверно.

С ужасом глядя на лежащую отдельно ногу, парень впал в оцепенение и потерял всякую способность защищаться, но никто и не думал его добивать. Треверский ярл в это время переключился на его ближайшего соседа:

«...На и тебе! На-на... Эй, да куда же ты?!» – однако «приятель» только что подрубленного, оказался слишком уж шустрым и догадливым.

Когда Игорь обманым взмахом сначала заставил его прижаться к остальным врагам, лишив маневра, а потом, двумя ударами играючи расколол единственную оставшуюся защиту – небольшой плетеный щит из лозы, – и попытался воспользоваться плодами своей настойчивости, парень мгновенно сообразил, чем это пахнет. Отбросив короткое копье, он с воплем ужаса рванул прочь с тропы, на удивление ловко перескакивая с валуна на валун.

Только на пятом или шестом прыжке очередная опора прокрутилась, и беглец скатился куда-то в местный каменный винегрет. Однако было это далеко за пределами досягаемости даже очень немаленького клинка, и задачу по спасению можно было считать успешной.

«...Ты смотри», – удивленно подумал Игорь, также довольно резво и неожиданно рванув к своим четырем телохранителям, зорко охраняющим тропу в нескольких метрах позади, и одним своим присутствием сводя на нет, любые попытки зайти в тыл своему предводителю.

Игорь решил взять хотя бы небольшую паузу, а заодно и попытаться отступить всем своим небольшим отрядом к остальному каравану. Собственно, задача уже была выполнена и охрана должна была сейчас заканчивать облачаться в доспехи, а остальные фриззы – преодолеть минимум полпути пусть к временной, но безопасности.

Имелась в виду плоская, заросшая лесом вершина ближайшей горы. Метров на 350-400 она возвышалась над узким распадком, куда пару часов назад спустился караван фриззов, и сулила возможность «оглядеться» без драки.

...Хотя с боевыми умениями у засады было и не очень, но на отсутствие энтузиазма и смелости горская молодежь уж точно не жаловалась. Едва Игорь успел перевести дух и собрался чуток попятиться под прикрытием щитов своих телохранителей, как сгрудившаяся толпа горцев пришла в себя, и попыталась снова сократить расстояние. Правда, на этот раз все получилось куда хуже.

Идущие в первых рядах прекрасно помнили, во что их товарищам обошлась прошлая схватка. Семеро убитых и не меньше дюжины тяжелораненых, легли тяжелым грузом на плечи и души остальных, заметно ослабив отряд. А потому азартно рванув поначалу, к молчаливо замершим хирдманам они приблизились без особо желания. Скорее даже – с явной неохотой. Правда, у самых торопливых – первых рядов, – и выбора-то особого не было.

Оставаясь в сравнительной безопасности, их более осторожные товарищи довольно настойчиво давили в сторону фризов, иногда и вовсе уж откровенно подталкивая в спины. Казалось, сейчас во второй раз случиться прежняя, совершенно бездарная свалка, в которой у тяжеловооруженных и опытных бойцов, способных легко, практически инстинктивно держать строй, снова окажутся все козыри. Но у неудачной засады нашлись и новые – уже по-настоящему опытные лидеры.

Несколько немолодых воинов, державшиеся поначалу в отдалении, решили взять управление всем этим непотребством в свои руки.

Сгрудившихся на тропе юношей они заставили замолчать, перестать подталкивать друг друга, и начали сбивать из них пусть и не менее плотный, но «правильный строй», в котором можно было, не мешая остальным, полноценно действовать копьем, дубинкой или топором. Однако – не судьба.

Сдувая текущие по лицу капли пота, Игорь выслушал торопливый перевод выкриков одного из подошедших «начальников», который, судя по всему, стал собирать отдельную – обходную группу. Это позволило бы нападающим и вовсе отлично использовать преимущество в численности, и решил немного удивить.

Убедившись, что все его прекрасно поняли, и никто не собирается необдуманно «геройствовать», небольшой отряд без шума и воинственных криков в один бросок сократил расстояние до горцев, и словно стальной молот обрушился на их, все еще не разобравшиеся, и оттого беззащитные перед неожиданной атакой, ряды...

* * *

Низкий свод и массивные каменные глыбы потолка не давили, не внушали беспокойства и не вызвали клаустрофобии (21), как можно было бы ожидать. Наоборот, с некоторых пор, Игорь не чувствовал себя ни где так уютно и защищенно, как в этом месте.

(21) *Клаустрофобия* (от лат. [claustum-] закрытое помещение и др.-греч. [-φόβος] страх) – психопатологический симптом, боязнь замкнутых или тесных пространств. Считается одной из самых распространенных патологических фобий, и согласно современным исследованиям, от 5-7% населения мира подвержены ей в тяжелой форме.

Казалось, каждая из сотен тысяч (если не миллионов) тонн этого поразительного сооружения, не «прижимает» к земле, а скорее – «подкрепляет и усиливает» его дух своим невероятным весом. Игорь осознавал приземистый 64-метровый храм-пирамиду как нечто цельное и ...живое.

«Живое...»

Надо же, какое одновременно точное, и совершенно неподходящее слово, для понимания сути подобных сооружений... Среди многочисленных терминов его прошлой родины, было еще много таких же – подходящих, и одновременно «лживых». Пожалуй, самым подходящим было слово «трансформатор» (22).

(22) *Трансформатор* – от лат. [transformare] превращать, преобразовывать.

«...Да-да, именно – живой трансформатор!»

Только все это тысячетонное сооружение имело дело не с электрическим током или его же напряжением. Игорь понятия не имел отчего, но был совершенно уверен: пирамида каким-то образом использовала даже вращение планеты, преобразовывая его в энергию подходящую обычному человеческому телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.